

ВИКТОР СМІРНОВ
**ПОЕДИНОК
В ГОРАХ**

ВИКТОР СМИРНОВ

ПОЕДИНОК В ГОРАХ

Повесть

честь . отвага . мужество

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1965**

P2
C50

ПИСЬМО ИЗ МИЛИЦИИ

«Сообщаем, что по вашему заявлению произведено дополнительное расследование дорожного происшествия с автомобилем № КН 14-22 на магистрали Козинск — Аксай. Не установлено столкновения а/м КН 14-22 с другим видом транспорта.

Причиной, вызвавшей аварию и гибель водителя, была неосторожность самого водителя Березовского Г. К., который не принял во внимание состояние дорожного покрытия (гололед), в результате чего автомашина свалилась под откос глубиною 180 метров...»

Я перечитываю письмо. В окне медленно линяет ночь. Лимонно светятся окна в соседних домах.

Не верю, что Жорка сам сплеховал. Не верю. Он был водителем, каких мало. Прирожденным асом... Кто-то в чем-то не смог разобраться.

Я перечитываю письмо... Дворники уже вышли скалывать лед на тротуарах, слышны глухие удары лома и скрежет лопат. Дворники воют с зимой, ранней зимой, внезапно нагрянувшей в город.

Когда мы прощались с Жоркой, была весна, цвел багульник, над городом кружила пыль.

— Ты поедешь со мной? — спросил Жорка.

Я нагнул голову, чтобы не смотреть Жорке в глаза. Начиная с пятого класса мы не расставались с ним ни на один день. Мы всюду ходили вместе, как близнецы.

— Там здорово интересно, — сказал Жорка. — Там все только начинает строиться. Горы, тайга! И шофера нужны во как! Поедем!

В пятом классе к нам в школу прибыли ребята-детдомовцы. «Бездомовцы» — так мы их называли. За мою парту посадили длинного бледнолицего мальчугана. У него были удивительные желтые волосы — такой цвет у свежей соломы, когда копны светятся под осенним солнцем.

— Я Жорка Березовский. Давай дружить, — сказал он.

После уроков во дворе меня встретил Ленка-поп с компанией, чтобы свести старые счета.

— Ты не бойся, мы вместе, — успокоил меня Жорка.

Потом, отмывая физиономии и рассматривая синяки, мы поклялись всегда держаться вместе.

Жорка был непоседой. Порывистый, угловатый, он все рвался куда-то и не мог долго оставаться на месте. В восьмом классе он уговорил меня бежать в тайгу к геологам. К счастью, нас задержали на станции.

После армии, закончив курсы шоферов-дизелистов, мы вернулись в Иркутск, а затем подались на строительство гидростанции. Там начали работать двадцатипятитонные МАЗы, «четвертаки», машины-гиганты. Разве мог Жорка отказаться от возможности покрутить баранку «четвертака»?

— Ты поедешь? — в последний раз спросил Жорка.

Я не поехал в Саяны. У меня была к тому времени недурная работа в транспортном отделе горисполкома. Мне дали новенькую комнату на улице Мира.

В этой комнате и состоялся прощальный разговор.

Я получил от Жорки, из Саян, два письма.

«Пожалеешь, что не поехал со мной. Горы — ахнешь! Работы по горло, и настоящей. За баранкой целыми сутками. Железных дорог нет, одна надежда на нас, шоферов».

Второе — и последнее — письмо дышало тревогой. «Здесь на трассе мне пришлось схлестнуться с одной «теплой компанией». Это жулье старается набить мошну за государственный счет. Пользуются тем, что места глухие, «закон — тайга». Но я их на чистую воду выведу...»

Конечно, Жорка не мог остаться безучастным.

Он готов был лезть в любую драку, если считал, что отстаивает справедливость. Он доказал это в первый же день нашего знакомства, выступив против ватаги Ленки-попа.

Вскоре пришло короткое известие о гибели Жорки на заснеженной дороге. Я был в командировке и получил сообщение с опозданием. Выезжать в Козинск было бессмысленно. Написал в милицию. Но что я мог сообщить им? «Причиной, вызвавшей аварию и гибель водителя, была неосторожность...»

Сотый раз я перечитываю письмо из милиции. Надсадно заливается паровая свистулька на соседнем гвоздильном заводе. Слышен топот ног на лестнице. Пора на работу. Меня ждет заваленный бумагами стол в транспортном отделе. Увязки, согласования, начальственные резолюции: «Товарищ Михалев! Разберитесь!»

А как разобраться с самим собой? Не верю я в то, что Жорка сам сплеховал. Не верю. И ни один следователь не сможет рассеять эти сомнения.

Можно сказать себе: «Ничего уж не поправишь. Живи себе дальше, как жил. У тебя свои заботы. Заочный институт, комната, служба. Все четко, размеренно. Жорка прошел через твою жизнь и исчез. А тебе надо идти своим путем».

Но только... только я всегда буду чувствовать себя предателем. Человеком, оставившим друга. Можно изобрести сотню оправданий для успокоения совести. Но кличка-то будет одна: «Предатель».

В углу комнаты стоит чемодан. Сумрачный ут-

ренный свет расплзается вдоль стен, и я вижу потертые дерматиновые бока чемодана. С этим чемоданом — одним на двоих — мы с Жоркой вернулись из армии.

Сборы не потребуют много времени. Заявление об уходе по собственному желанию. Недоуменные вопросы знакомых. Штампик в районном паспортном столе: «Выписан...» Выписан в маленький шоферский поселок Козинск, в Саяны.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ В КОЗИНСКЕ

«Брось папиросу!» — приказывает надпись у проходной автобазы. Под надписью Доска почета. Застыв в неестественных, напряженных позах, смотрят на меня ребята в телогрейках и вельветовых куртках. Я на секунду задерживаюсь перед доской. Как-никак первое знакомство.

Только один выдержал беспощадный прицел объектива. Он в артистически красивой позе: открыв белозубый рот, смотрит вверх, и чуб его падает на смеющиеся прищуренные глаза. «Петюк Е. С., выполнение плана 210%».

Принимает меня главный инженер Костюков, замещающий начальника. У главинжа добродушное сдобное лицо и утиный нос.

Он возвращает водительские права, но трудовая книжка, как я и ожидал, задерживает его внимание.

— На чем погорел-то? — спрашивает он.

Не каждый день к нему приходят наниматься на работу бывшие сотрудники горисполкомов.

Улыбаясь, главинж смотрит на меня. «Сильный крен дала твоя жизнь», — читаю в его глазах.

— Было дело, — уклончиво отвечаю я.

— Срока не получил? — спрашивает Костюков.

— Нет.

Кажется, он даже несколько разочарован: не оправдалась догадка...

— Ладно, пойдем навстречу, — говорит Костюков. — Людям надо навстречу идти, верно говорю?

— Верно.

— Верно-то верно. Не все ценят... Работа, предупреждаю, тяжелая. Но заработки ничего, особенно если парень старается и дисциплину понимает. У нас есть которые выгоняют по три-четыре сотни. Усёк?

— Усёк.

За дощатым забором, огородившим автобазу, видна темная лента шоссе. По ней ползут и ползут машины. Видно, за перевалами делают большие дела. Снизу, со двора автобазы, доносится многоголосое рычание автомобилей.

Костюков, открыв форточку, кричит:

— Петюк, загляни наверх!

— Петюка наверх! — как эхо, повторяют внизу.

Петюка я узнаю сразу. Это его портрет красуется на Доске почета. Он худой, долговязый, в щегольской кожаной куртке, в сапогах гармошкой. Через плечо болтается транзисторный приемник. Судя по манере держаться, Петюк здесь в любимцах ходит. Двести десять процентов выработки не шутка.

— Возьмешь с собой новенького, — говорит Костюков и заглядывает в мое заявление. — Водитель второго класса Михалев Василий Иванович.

— Мой Вася... — поет Петюк и подмигивает мне. Смуглая, длинная шея у него, кажется, свита из одних жил. Глаза дерзкие.

— Шуточки отставь, — хмурится Костюков. — Сделаешь с ним рейса два, чтобы был в курсе дела.

— Не первого стажирую.

— В таком порядке, — заключает Костюков и ставит закорючку на заявление.

Все. Теперь я житель поселка Козинска. Шофер.

Мы с Петюком выходим во двор, к автомобилям.

— Между прочим, у нас такая работа, что нервные не выдерживают, — говорит Петюк, не глядя на меня.

Пугает. Хочет, чтобы я сразу признал его авторитет.

— Со смертью сутками, как дитя с матерью, — добавляет он. — Рубль длинный, а жизнь короткая.

— Я в армии взрывчатку возил, — говорю я тоже как бы невзначай. — Потом два года на «четвертаке».

Петюк крутит настройку транзистора. «Вы рождены для неги томной», — поет приемник. Рев грузовика заглушает голос.

— На квартиру советую пойти к баптистке Фене: угол имеется свободный. Заеду утром. Будь бай, — Петюк соскакивает со ступенек.

Солнце уже поднялось над горами. Куда ни повернись — лесистые сизоватые громады, а на самой вершине изломы хребтов, присыпанные снегом. Поселок лежит на дне каменной чаши.

Собственно, весь Козинск — одна длинная улица, вытянувшаяся километров на пять вдоль шоссе. В ширину поселку расти некуда. Горы, как две ладони, держат в пригоршнях шоссе и дома.

Асфальтовая ленточка тракта разрезает шоферскую «столицу», уходит за горы и обрывается там. Но, оборвавшись, не умирает. Разветвляясь на короткие, как щупальца, ухабистые дороги, она дает жизнь новостройкам.

Для меня Козинск чужд и холоден. Я иду по дощатому тротуару, и машины осыпают меня каплями грязи. Здесь гораздо теплее, чем в Иркутске. Говорят, микроклимат.

Один из мальчишек, отчаянно шныряющих по шоссе на самокатах, показывает мне дом тети Фени. Это солидное бревенчатое строение, украшенное деревянными кружевами.

Все в доме пронизано чистотой и строгостью. «Баптистка Феня», скрестив руки на груди, в упор изучает меня. У нее сморщенное личико с большим ртом и немигающими глазками.

— Сколько за все?

Хозяйка не страдает глухотой, но делает вид, будто плохо слышит. После того как ей скажешь что-то, она долго глядит в лицо, будто хочет раскусить подвох.

— Двадцать.

От баптистки можно было ожидать более христианского отношения. Но я соглашаюсь не раздумывая.

— Не курить, не пить, компанию не водить, —

переходит в наступление тетя Феня. — Я человек тихий, религиозный.

— Ладно, — соглашаюсь я и бросаю чемодан на жесткое дощатое ложе в углу избы. — Сойдемся как-нибудь. Где здесь у вас кладбище?

— Кладбищу-у? — переспрашивает хозяйка, по-чалдонски укая. — За мостом, однако. Это тебе зачем?

— Надо.

Улица упирается в шумливую речушку. На том берегу белеют кресты. Кладбище открывает передо мной ряды фанерных и бетонных обелисков со звездочками. Кое-где у подножья их вставлены автомобильные рули. Березки склоняют над могилами голые ветви.

Девушка в коротком коричневом полушубке — тонкая талия подпоясана ремешком — проходит мимо, опустив голову и чуть было не наткнувшись на меня. Я едва успеваю посторониться. Горе ведет ее меж могил, как поводырь.

Я нахожу песчаный холмик, где нет пожухлой травы. Фанера, из которой сколочен обелиск, успела потрескаться.

— Здравствуй, Жорка, — говорю я.

Фотокарточка под стеклом пожелтела и съезжилась. Я знаю эту карточку. Это я снимал Жорку три года назад.

Теплый ветер съедал тогда последний снег на сопках. Жорка воткнул в петлицу клейкую веточку с лиловыми цветами. С нами была Галочка, бетонщица с Иркутской ГЭС.

Мы прошли к Ангаре, чтобы посмотреть, как всплывает донный лед. В воде дрожали белые об-

лака. Шуга уже прошла, но там, в речной глубине, шла таинственная весенняя работа. С плеском и фырканием выскакивали на поверхность огромные глыбы льда, оторванные течением от донных валунов.

Каждый раз, когда выскакивала льдина, Галочка вздрагивала и прижималась к Жоркиному плечу. И каждый раз я ощущал укол ревности. Мне нравилась Галочка.

— Ну-ка, щелкни, — попросил Жорка и протянул мне «ФЭД».

Потом в разгаре душного сибирского лета ко мне пришла заплаканная Галочка и сказала, что Жорка не хочет с ней встречаться, чтобы не ссориться со мной и не нарушать дружбу. Она просила меня поговорить с Жоркой. Я поговорил,

а Жорка оборвал меня и назвал слюнтяем. Такой уж он был странный и резкий парень. С Галочкой никто из нас больше не виделся. А снимок остался у Жорки.

Эх, Жорка...

Я нагнулся, чтобы подравнять холмик, и заметил, что моей заботы не требуется. Кто-то следил за могилой. У обелиска лежал букетик подснежников.

Случается так в осенние дни, когда первые заморозки сменяются оттепелью, что вновь зацветают подснежники, обманутые возвращением солнца. Я поднял букет. Тонкие мохнатые стебли были перевязаны голубой ниткой. Цветы еще не успели завянуть. Кто-то совсем недавно принес их сюда. Неведомый друг.

Кроме девушки в коричневом полушубке, я никого не видел на кладбище. Может быть, она как раз и есть тот человек, которому я могу довериться и разорвать, наконец, завесу одиночества, встретившую меня в чуждом, неудобном Козинске?

Она, наверно, знала Жорку, многое может рассказать...

Одним прыжком перемахиваю через изгородь и скатываюсь с откоса к мостику. Шоссе лежит впереди ровное, как линейка, поблескивая под солнцем, и далеко, у ворот автобазы, я вижу тоненькую фигурку девушки. Теперь уж я не потеряю ее.

С грохотом, высекая искры цепью заземления, меня обгоняет бензовоз. Девушка поднимает руку. Машина тормозит, раскрывается дверца, и через минуту на шоссе нет ни девушки, ни бензовоза.

Кто она? Где ее искать? Я останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. Занавес неожиданно опустился, поставив точку в этой короткой немой сцене. Я снова один...

БУКЕТ ПОДСНЕЖНИКОВ

— Интеллигенция! — ревет зычный голос. — Вставай материальные ценности производить!

Кулаками растираю глаза и, наконец, вижу перед собой долговязого парня в кожанке. Ага, Петюк.

Одеваюсь с виноватой поспешностью. Мой наставник насвистывает и крутит транзистор.

На улице льет дождь. Еще совсем темно. Ни гор, ни неба, ни дороги — ничего не видно.

Рядом с избой, света подфарниками, дружелюбно рычит новенький ЗИЛ. В кабине пахнет краской. Диктор из пластмассового ящичка, висящего на боку у Петюка, рассказывает об урожае мандаринов.

В лучах фар несутся косые струйки дождя. Петюк ведет машину на большой скорости, уверенно и дерзко.

У диспетчерской мы останавливаемся, и я иду вместе с Петюком посмотреть, как здесь оформляют документы.

У окошка толпятся шоферы в замасленных спецовках, воздух насыщен запахом бензина и табака. Петюк со своей курточкой и транзистором здесь прямо-таки «стиляга». Кого-то он хлопает по плечу, кому-то сдвигает на нос кепку, но многие не здороваются с ним. Завистники, наверно.

Петюк протискивается через толпу и через несколько минут возвращается с путевым листом.

— Поехали!

— Петюк везде без мыла пролезет, — бросают из очереди.

Мой наставник оборачивается: кто подал реплику? Это молодой парень, румяный, широкоплечий, со спокойным и умным лицом. Петюк выходит из диспетчерской, не ответив.

На погрузочной площадке мы цепляем к нашему тягачу полуприцеп, на котором, привязанный тросами, стоит трактор. Уже светает, когда выезжаем на шоссе. Темные горы проступают из сетки дождя. Дорога, вся в свинцовых лужах, ведет машину все выше к перевалу. Щетки смахивают морось со стекла.

Здорово это — снова вернуться к баранке. Забываются все вчерашние неурядицы. Я люблю автомобили, и езду, и дорогу, бегущую под колеса. Кажется в такие минуты, что нет ничего, чего бы не мог совершить. Ты хозяин всего окружающего — рек, полей, гор, деревень, встречающихся на пути.

Не зря Жорка так ценил свою профессию и остался ей верен до конца...

— Эй, Василий! — толкает локтем Петюк. — Гляди, примечай, ведь сам ездить будешь.

ЗИЛ лезет в гору. Петюк утопил педаль акселератора, но двигатель задыхается, пора переходить на низшую передачу. Петюк бесшумно, с короткой прогазовочкой, переключает рычаг. Ни рывка, ни скрежета. В кошачьих ловких движениях чувствуется большой мастер.

Слева от нас проплывает скальная стена, облитая дождем. Справа — грязная обочина, уставленная деревянными столбиками, а за столбиками — обрыв. Кажется, что там, в низине, плещется холодное сизое море.

Телеграфные столбы тянутся с откоса, видны только чашечки изоляторов, заглядывающие на шоссе, как белые цветы.

Петюк ведет тягач у самого края обрыва.

— Новички стараются тут к скале прижаться, — объясняет Петюк, косо взглянув на меня. — А зря. Сверху, с поворота, может встречный выкатиться. Тогда не разминуться, и...

Он кивает в сторону туманного ущелья.

Путешествие по тракту сливается для меня в бесконечную, как сама дорога, ленту. Часы идут за часами, ревет двигатель, а Петюк, не зная усталости, гонит и гонит тягач вперед, к далекой, скрытой за горами стройке.

Такой тракт я вижу впервые. Изломанный, узкий, выбитый, он вьется вдоль бурных рек, вдоль ущелий, описывает немыслимые зигзаги между скальных обломков, падает в распадки, снова круто лезет на перевалы. Иногда, взглянув вниз, на крохотную речушку, чувствуешь себя циркачом, который взобрался под самый купол.

Небо светлеет. Дождь кончился, облака поднялись. Теперь можно рассмотреть горы. Здесь, на высоте, они поросли мохнатым, кряжистым кедровником. Валуны присыпаны ослепительно чистым снегом. Сколько света и воздуха!

Мы вступаем в высотное царство зимы.

Движение словно замедлилось — открылись

просторы, среди которых скорость нашего ЗИЛа не приметна. Капли дождя на стекле превратились в ледяные катышки. Теплый, окутанный дождем Козинск далеко внизу.

Петюк надевает на капот ярко-красный, издали приметный чехол.

Ползем на перевал. Мотор поет надсадливо, со стоном. Зилок не приспособлен к горным дорогам. Ему взвалили на плечи слишком тяжелый груз: иди! И он идет. Задыхается, стонет и идет. Надо.

Внезапно двигатель взывает. Пробуксовка.

— Цепи неохота надевать, — цедит Петюк. — Подсыпь песочку!

Я выскакиваю на дорогу, покрытую коркой льда. Ноги разъезжаются. Тутгодились бы альпинистские ботинки.

Склон, к которому подползли, буксуя, задние колеса, довольно крут. Торопясь, я вытаскиваю из-за кабины ковшовую лопату. По обочинам, как муравейники, высятся остроконечные кучи песка, предусмотрительно запасенные с лета.

Петюк плавно, чтобы не разбросать песок, трогает машину. Я иду рядом и ожесточенно работаю лопатой. На лбу выступает пот. Нелегко даются здесь километры!

Через полчаса я вваливаюсь в кабину. На ладонях вздулись волдыри. Ну, вот и побратались с дорогой.

— Слушай, Петюк, а как тебя по имени?

Он усмехается. Я близко вижу его глаза, карие, с тлеющими золотыми змейками.

— А никто по имени не зовет. Фамилия такая — все равно, что имя. Петюк!

Мы мчимся вниз; сзади, подталкивая тягач, громыхает полуприцеп, стрелка спидометра ка-сается цифры девяносто. Это уже лихачество. Но я молчу.

На мосту Петюк тормозит. В других краях за такую остановку не жди милости от инспектора. А в Саянах иные законы. Мост — самое безопас-ное место для стоянки. Машину издали видно. И разъехаться можно.

— Ты подожди, — говорит Петюк и достает из ящика картонную коробку, — сбегаю на метео-станцию. Передать кое-что.

Неподалеку стоит бревенчатый дом с позеле-невшей крышей. Над ним громоздятся горы. Когда опускаешь взгляд с вершин к дому, он кажется совсем маленьким, придавленным. На мачте близ дома крутятся какие-то вертушки, а еще выше, над флюгером, протянута антенна.

Петюк медленно и устало поднимается по тро-пинке. На пальце его болтается привязанная за бе-чевку коробка.

В кабине тепло. Горное солнце греет лицо, и голова сама собой откидывается на сиденье...

Просыпаюсь от невыносимой жажды. Что ж это Петюк? Спешил, спешил, и вот на тебе! Надо отправиться на поиски.

Лайка, помахивая загнутым хвостом, встречает меня у метеостанции. Какой-то карапуз ковыряет-ся в снегу у сарая. Из-за обитой войлоком двери метеостанции доносится громкий, взволнованный голос Петюка. Я стучу, но никто не отвечает. Стучу сильнее, и дверь неожиданно распахивается от удара кулака.

Петюк, расхаживающий по комнате, останавливается и сердито смотрит на меня. На столе, уставленном радиоаппаратурой, сидит девушка в синих спортивных брюках и белом свитере.

Я неловко здороваюсь. Это та девушка. Какое-то внутреннее прозрение в долю секунды подсказывает мне, что именно ее я встретил на кладбище.

Она очень стройная. Даже когда сидит, чувствуется, какая она стройная. А у глаз собрались крохотные морщинки. Это, наверно, оттого, что она живет в горах среди снегов и солнца. Белый свитер подчеркивает смуглость лица.

— Ну, чего тебе? — спрашивает Петюк.

Я в подмастерья не нанимался, чтобы он обращался ко мне в таком тоне. Но девушка не дает мне ответить.

— Мы не знакомы. Вы новенький, да? Таня.

У нее узкая и сильная ладонь. Я смотрю поверх ее головы, поверх темных, перехваченных лентой волос и вижу на верхней полке стеллажа букет подснежников в хрустальном бокале, а за бокалом, на стене, фотографию. Долговязый парень стоит у кабинки ЗИЛа, держась за дверцу.

— Что с вами? — спрашивает Таня.

— Обомлел от неожиданности, — бурчит Петюк. — Он думал, в горах только медведя встретишь.

Девушка с метеостанции, поймав направление моего взгляда, оборачивается к фотографии. Петюк хищно щурится и уже с интересом следит за мной.

— Цветы! — говорю я и подхожу к стеллажу. — Откуда здесь среди зимы подснежники?

Петюк досадливо машет рукой.

— Тоже мне серьезный разговор. Цветочки. Финти-минти. А еще шофер.

На фотокарточке Жорка. Видимо, один из последних его снимков. За тягачом громоздятся Саяны. Лицо у Жорки насупленное и серьезное, ветер растрепал светлые пряди.

— Это я внизу в Козинске нарвала, — говорит Таня. — Вчера ездила.

В этом доме бывал Жорка... Мне бы сейчас расспросить обо всем, что она знает, но рядом сидит Петюк. Я должен быть осторожен.

Таня приносит ключевой воды в алюминиевой кружке. Я пью, стараясь не смотреть на фотографию.

— Я сейчас приду, — торопит меня Петюк. — Подожди в кабине.

Его возвращения и в самом деле не приходится ждать. На пальце болтается все та же картонная коробка. Петюк зло бросает ее в ящик и хлопает крышкой.

— Дай папиросу.

— Ты же не куришь, Петюк.

— Иногда.

Резко, дав большие обороты двигателю, он бросает сцепление. Тягач дергается, Петюк развивает максимальную скорость.

В распадках уже сгустилась темнота. Впереди нас дымит «бочка». Бензовоз. Мы постепенно настигаем «бочку», но обогнать ее не можем: начинается подъем, видимости нет. На всем подъеме старенький бензовоз будет задерживать нас.

Петюк, сморщив лицо, выплевывает папиросу

и переходит на третью передачу, чтобы поддать хода. Медленно приближается обрубленный зад цистерны. Запах перегара долетает к нам в кабину.

— Ну, бочкарь вонючий! — бросает Петюк и начинает обгон.

Это рискованно. Если из-за поворота вылетит встречная машина, не успеем разминуться.

Наш зилок идет рядом с бензовозом, отвоевыва-
вая сантиметр за сантиметром. Петюк жмет на акселератор.

— А если встречная? — кричу я.

— Прицепом бочкаря приваляю, — отвечает он, не меняя хищного выражения лица. — Он побоится, чтобы крыло ему не порвал: притормозит, выпустит нас... За крыло ему деньги платить!

Мы вырываемся вперед.

— Какая муха тебя укусила? — спрашиваю я.

— Кто смел, тот два съел.

Катимся вниз. Петюк не сдерживает вольный ход машины. Он режет повороты, как гонщик, поставивший на карту жизнь.

— Ты бы поосторожнее...

— Все равно.

Какая-то боль глохнет его изнутри и питает безрассудство. Путаный малый.

Металл грохочет, на выбоине я подлетаю и ударяюсь головой о кабину. Крышка багажного ящика раскрывается от толчка, картонная коробка тяжело падает на железное днище. Звякает стекло, кабина наполняется густым, сладким запахом духов... Так вот что носил Петюк на метеостанцию.

Она не взяла у него подарок. Не захотела.

А при чем здесь Жоркина фотография? Не знаю. Ясно одно: какая-то нить соединяет эту девушку, Петюка и Жорку.

«Не спеши, — говорю я себе. — Есть еще время разобраться во всем. Ты приехал сюда не на день и не на два».

ОДИН НА ОДИН С ТРАКТОМ

За весь долгий путь до чайной Петюк не проронил ни слова. Уже совсем темно, горы утонули в ночи.

В чайной горит тусклый свет. Круглая, как колонна, черная печка дышит теплом. Шоферы деловито уничтожают гуляш. Полночный ужин.

После долгой поездки в безлюдных горах особенно приятно сидеть в этой заполненной народом избе. У чайной, на умятом колесами пяточке, как лошади, сбились в кучу автомашины. Пахнет дымом, жильем.

У нашего стола усаживаются приятели Петюка. На людях мой приятель сразу же превращается в разбитного, говорливого парня, каким, должно быть, его привыкли видеть.

Губастый шофер в ковбойке, которого называют Пономарем, восторженно ловит каждое слово Петюка. У парня могучая бычья шея и как бы лишенная затылка голова. Короткий чубчик накрывает покатый лоб.

— Маша! — кричит Петюк буфетчице. — Поди-ка, скажу чего!

Парень без затылка обводит глазами компанию: «Во, сейчас даст Петюк!»

Улыбаясь, к столу подходит буфетчица.

— Сваты заезжали, Маша?

— Какие сваты?

— Да я посылал к тебе. Сватаюсь за тебя.

— Скажешь тоже! — отмахивается Маша и треплет Петюка за вихор. — У меня трое ребят с тебя ростом.

Губастый Пономарь заливается смехом. «Ну, что я вам говорил? — написано у него на лице. — Уж Петюк скажет, так скажет!»

— Ну ладно, тогда чего-нибудь горького доставь нам, — шепотом добавляет Петюк.

— Не положено на тракте.

— Так мы ж на отдых располагаемся. Выходные.

— Бойкий ты очень.

— Нам с тобой еще медовый месяц справлять, надо ж горечью разбавить.

— Ох, Петюк, — сдается Маша. — У тебя всегда медовый месяц.

Укоризненно покачав головой, она выходит из чайной.

— Тебе никогда отказа нет! — Пономарь подружески хлопает Петюка так, что тот чуть не слезает со стула. — А ты садись ближе, малый, — предлагает он мне. — Обвыкай.

Входят и выходят из чайной шоферы. Один из водителей заснул прямо на стуле. Старенькая уборщица трясет его:

— В заезжую избу иди, на постелю!

Шофер в полусне отмахивается от нее, как от

мухи. Ведь день он, как мог, держался в кабине грузовика, но здесь, в чайной, тепло и покой в одну минуту сломили его.

— Инспектор идет, — пугает старушка.

Нас пятеро за столом: Петюк, губастый Пономарь, наголо бритый шофер — его зовут «Гирей», — и еще один приятель Петюка, веснушчатый, белобровый, похожий на гномика, выскочившего из каких-то саянских расщелин.

— Был случай, прислали для испытаний новую

тормозную жидкость, — рассказывает Петюк, продолжая забавлять аудиторию. — Спирту шестьдесят процентов. А мы ехали по зимнику в Кушир. Чуть живые добрались. Как замело! Ни взад, ни вперед. Скукотища. Давай тормозную жидкость пробовать. Но боязно начинать. Все же не «Столичная»!

— Ге-ге-ге! — смеется простодушный Пономарь. — Скажешь — «Столичная»!

— Поймали петуха, заставили напиться. Он покуралесил, однако, потом встал. Значит, ничего. Но боязно. Поросятку тюрьку сделали и покормили. Тоже жив остался. Ну ладно, думаем, надо и на человеке испробовать.

«Паясничаешь ты, — думаю я, глядя на Петюка. Лицо его бледно и бесстрастно. — Ведь у самого кошки на душе скребут».

— Кому первому? Желающих не находится. Зовем одного местного старичка, бывшего моряка царского флота. Весь тушью разрисованный, имеет медаль за храбрость. «Так и так, — говорим, — дедок, есть испанский ликер». Тот говорит: «Все перепробовал, а до испанского ликера не дошел. Давай!» Выпил и запел. Ну, тогда и мы стали прикладываться. И что же? Полный порядок на борту. Большое дело — проверка...

Пономарь хохочет на всю чайную, подбадривая Петюка — этот сильный и уверенный в себе парень относится к моему напарнику не без почтительности. Очевидно, ему, неповоротливому увальню, льстит дружба с блистательным Петюком, «первым парнем» на тракте.

Маша приносит две бутылки с лимонадными на-

клеяками. Заскорузлым пальцем Пономарь легко сковыривает пробку.

— Ну, я полагаю, перед сном...

Я отставляю стакан. В дороге не пить — это немудреное правило не следует нарушать даже в Саянах, вдали от инспекции.

Пономарь, добродушно рокоча своим баском, уговаривает:

— Да брось, парень. С Петюком едешь. С ним — как за каменной стеной.

— Не хочет, пусть не пьет, — неожиданно поддерживает меня Петюк. — Уважаю, если с характером.

Компания, чокаясь, торопливо принимается за ужин. Все оживляются, говорят невпопад. Петюк по-прежнему главенствует за столом, как записной тамада.

— Слушай, Петюк, ты знаешь Полунчика? — Пономарь показывает на веснушчатого «гномика», который тут же подтягивается, глядя на моего наставника, как солдат на командира.

— Само собой, знаю Полунчика.

— Надо помочь хлопцу. Что он киснет в диспетчерской? Права ему вернули. Ты не можешь поговорить, чтобы дали Полунчику новую машину?

— Можно, — соглашается Петюк. — Попробуем... Мне еще вот этому корешу, — он толкает меня под бок, — надо помочь с машиной.

— Правильно, надо по-товарищески, — замечает Пономарь.

«А они неплохие ребята, — думаю я, и мысли ворочаются в сонной дреме, как рыбы на пес-

ке. — Грубоватые, но прямые, без хитростей. Один лишь Петюк с выкрутасами... Но и он понимает, что такое товарищество...»

Лампочка над головой покачивается, словно на пароходке, попавшем в зыбь, стены чайной начинают кружиться. Глаза слипаются.

— Это у него с непривычки, — доносятся слова Петюка. — Целый день дремлет. Убаюкал его Козинский тракт. Иди в кабину, Михалев, поспи часок-другой...

...Кабина еще хранит тепло. Транзистор, оставленный Петюком на сиденье, наигрывает что-то сам себе. Время от времени по тракту проезжают машины, наполняя кабину ярким и мертвенным светом. Сон снова овладевает мной.

— Михалев, ты где?

Включаю свет. Петюк прикрывает глаза и идет нетвердой походкой. Кожанка его кажется серебряной в лучах фар. Я открываю дверцу, и Петюк дышит на меня водочным перегаром.

— Поехали! — он легким толчком отодвигает меня от руля и цепляется за дверцу, чтобы не упасть.

— Ты же хотел ехать утром, Петюк!

— Передумал. Надо поспеть раньше других. Петюк не может задерживаться...

— Протрезвись сначала.

— И так доеду.

Он делает попытку влезть в кабину. Неужели он в таком состоянии поведет машину по горам?

— Ты не поедешь, Петюк.

— Как это? — до Петюка доходит смысл моих слов. — Это ты мне?

— Тебе, — я стараюсь говорить как можно спокойнее. — Завтра поймешь, что я прав.

Петюк взрывается.

— Ты что, автоинспектор? — кричит он. — Вылезай вовсе! А я поеду. Ишь ты...

Он добавляет несколько энергичных слов. Мне не хочется ссориться с ним. Мы проделали три сотни километров по этой дороге, и какое-то чувство товарищества связало нас. Но если я сейчас уступлю, то буду уступать и потом. Я здесь на тракте вместо Жорки Березовского. А он не любил уступать.

— Не вылезу.

Петюк в нерешительности. Он не ожидал отпора от новичка.

— Ладно, — говорит он и, обойдя машину, усаживается с правой стороны. — Поезжай.

— Я?

— А кто ж, Пушкин?

Петюк нашел способ заставить меня сдаться. Перевалы, гололед, обрывы — все это там, в темноте, неизведанное, подстерегающее... Я не знаю тракта.

— Ну, отдаешь баранку?

Я нажимаю на стартер. Вместе со злым ревом ста лошадиных сил в меня вселяется холодная ярость.

Ну, хорошо, пусть так.

Полтора года не держал баранки грузовика. Потихоньку, шаря в темноте, ощупываю ногой педали сцепления и тормозов, переключатель света... Разгоняю тягач.

Дорога пока идет ровная. Легонько приторма-

живаю, прибавляю и сбрасываю газ, чтобы почувствовать машину.

Пока все получается хорошо.

Петюк привалился к дверце и как будто дремлет, голова его покачивается. Но я уверен, что он наблюдает за мной.

Тело стало липким, полупальтишко греет, словно медвежья кожа. УкRADКОЙ вытираю лицо.

Это от напряжения. Так было, когда я впервые выехал на стареньком «газике» в самостоятельный рейс и очутился среди потока машин. И еще когда я уселся на высоченное, как трон, сиденье «четвертака». Ничего, пройдет.

Впереди ползет машина. Белое пятно скользит по скалам. Стараюсь не отстать: так легче следить за дорогой.

— Жарко, а душа в сосульках? — язвит Петюк. Язык у него заплетается.

Подъем. Машина ведет перед собой освещенный кусок тракта. Эти сорок метров дороги — вот весь мир, который окружает меня. Все остальное исчезло, растворилось в темноте.

Появляются и исчезают редкие деревца с когтистыми ветвями, треугольники дорожных знаков, обломки скал. Темный тракт, окаймленный белыми полосами снега, надвигается на меня.

Внезапно белая полоса слева исчезает: дорога пошла над обрывом. Старательно делаю поворот, все время думая о колесах полуприцепа. Выворачиваю руль. Сейчас ведущие колеса проходят у самого кювета. Еще немножко протягиваю вперед и снова поворачиваю. Теперь и колеса полуприцепа описали круг.

До чего бесцветным выглядит все в свете фар. Только черное и белое.

Потом мы катимся вниз.

Я едва удерживаю прыгающий руль. Дорога здесь с наклоном, и тягач норовит сползти в сторону. Петюка подбрасывает, он глухо ударяется головой о жестяную крышу.

— Раскочегарил!

Это звучит одобрительно.

Сзади, толкая тягач, тяжело скачет полуприцеп с трактором.

— Я ей не нужен, видишь ты, — бормочет Петюк. — Не нужен ей, видишь! Она о нем вздыхает.

— О ком?

— Был тут один...

Лязг мешает разобрать пьяное бормотанье. На какое-то мгновение забываю о несущейся под колеса дороге.

— Кто был?

— А что я, виноват, что он сковырнулся? Не виноват я! — кричит Петюк и расстегивает ворот рубахи, словно та душит его петлей. — Не виноват!

Переключаю фары на ближний свет, чтобы пропустить встречную. Два огненных слепящих пятна заслоняют тракт.

— Я-то об ней каждый день... Заедешь когда-нибудь, поговоришь, а потом пятьсот верст одним махом чешешь, чтобы черных думок не думать. Убаюкаешься как следует — и ладно, вроде день прошел. А она смотреть не хочет. Как будто я виноват в том...

— В чем виноват?

Он всхлипывает.

— О ком ты говоришь, Петюк?

Я уже не в силах сдержать волнение. Торможу, глушу двигатель, включаю плафон. Петюк, стиснув голову ладонями, забился в угол кабины.

— О ком ты?

Но от него уже не добьешься ответа.

За горами взошла луна, небо посветлело, и впереди четко обозначаются вершины — изломанная черная цепь, как зубья пилы. Странная, чужая страна. Саяны.

ТАНЯ

Не скоро выпадает возможность съездить на метеостанцию: не удастся достать путевку в сторону Аксая.

Все эти дни проходят как будто в тумане. Я что-то отвожу, привожу, подписываю и сдаю путевые листки и, как только выдается свободная минута, откидываю голову на сиденье и сплю, сплю...

Зато ночью, плюхнувшись на койку где-нибудь в заезжей, я долго не могу уснуть. Стоит закрыть глаза, как передо мной возникает округлый кусок крыла с фарой, и дорога летит и летит под это неподвижное крыло. Какие-то неясные фигуры бросятся наперерез, я торможу...

Так бывает с шоферами — от усталости.

Мне достался зилот сто двадцатый — двухосный тягач с длинным прицепом. Это отзывчивая и надежная машина. Досталась она мне благодаря всемогущему Петюку.

Вскоре после того как я вернулся из своей первой поездки с Петюком, меня вызвал главинж. Он был настроен благожелательно.

— Ну, как, новичок, освоился? Закуривай. Давай-давай, не стесняйся. У нас тут все запросто, по-товарищески.

Пухлощекий, добродушный Костюков не торопясь листал мое личное дело.

— Так что ж с тобой, дружок, приключилось, что ты к нам подался? С насиженного места? Мне-то можешь сказать.

— Обстоятельства так сложились.

— И решил убраться подальше, да? В тенек?

У Костюкова были улыбчивые, узкие глаза-щелочки.

— В общем, Михалев, ты правильно сделал. У нас тебе будет неплохо. Поможем. Петюк о тебе отзывается положительно. Вот только на какую машину тебя посадить?.. На лесовозы людей не хватает!

Лесовоз — значит угонят на всю зиму куда-нибудь в тайгу. А мне надо оставаться на тракте. Я должен был поехать на метеостанцию. Видно, мое лицо явственно отразило тревогу. Костюков понимающе подмигнул:

— Ну-ну, ты, я вижу, понимаешь суть дела. На лесовозе особенно не заработаешь. Дороги — упаси боже. Много не наездишь, от ремонта до ремонта. Конечно, лучше всего у нас на «бочке». Это я тебе откровенно говорю. Но бензовозов недостаточно...

Костюков, задумавшись, посмотрел в окно, решая, как бы лучше устроить мою судьбу.

— В общем все в наших силах. Ты потолкуй еще раз с Петюком. Для меня самое главное — мнение передовиков, общественности. Пусть он помозгует. Ну, давай жми.

К счастью, не пришлось тратить время на поиски Петюка. «Учитель» ожидал меня во дворе автобазы.

— Ну как, говорил с шефом?

— Велел к тебе обратиться.

— То-то и оно, — довольный рассмеялся Петюк. — Не плюй в колодец, пригодится. Пойдем теперь в мой «кабинет».

Кабина петюковского тягача все еще была наполнена густым парфюмерным запахом. Видать, стойкие попались духи.

— В общем, Михалев, ты мне понравился. Дело знаешь, и характер есть. Только гонору в тебе много.

Мне оставалось только молчать, выслушивая поучения Петюка. Если посадят на лесовоз — прощай, Козинск.

— Куражиться нечего, коли есть хочется, — загадочно произнес Петюк. — Машину поможем достать хорошую. Зарабатывать будешь в порядке. Но учти — с тебя и спрос.

— Ладно.

— Ну и хорошо, что понятливый... А что я тебе спяну там болтал... У нас, у шоферов, жизнь ломаная.

Петюк привычно положил руку на руль, облокотился. Я только тогда заметил, какие красивые у него руки, смуглые, тонкие в кисти, с длинными хваткими пальцами. Артистические руки.

— Ну, договорились! — он одернул кожанку. — Поднимусь к шефу.

На следующий день я получил свой тягач.

Между тем зима уже спустилась с гор и захватила Козинск в снежные объятия. Бульдозеры ходили по тракту, как танки, опрокидывая сугробы в кювет. Двигатели оделись в ватные шубы зимних капотов. Тетя Феня накинула пятерку за топку печи.

А я по-прежнему никого не знал на тракте, слился в одно целое со своим ЗИЛом — здесь ни выходных, ни нормированного рабочего дня.

Однажды утром диспетчер дает мне долгожданную путевку. Пункт назначения — Аксай. Груз — валенки.

И снова сливается в бесконечную ленту дорога. Я спешу. Длинный полуприцеп то и дело заносит; чтобы не случился «циркуль», я прибавляю газу, дергая прицеп. Езда нервная.

Воздух посвистывает в приоткрытом ветровике. Встречные машины поднимают облака серебристой пыли. Глаза слезятся от сияния снегов.

Внизу уже виден мост, а чуть подальше — знакомый бревенчатый дом, антенна, мачта с флюгером.

Желтые будки на метеорологической площадке толпятся, как ульи.

Высоко на вершине склона несколько высоких каменных зубов, словно мрачные фигуры великанов, следят за дорогой.

На протоптанной в сугробах тропинке меня встречает мальчишка лет пяти, в черной шубке. Он расчищает снег деревянной лопатой, и его кур-

нося мордашка выражает хозяйскую озабоченность.

— Здравствуй, — говорю я. — Кто дома?

— Мама, — отвечает он.

Комната дышит паром и запахом мокрого белья. Таня, оторвавшись от корыта, торопливо поправляет халат.

— Вы меня, наверно, помните? Я заезжал с Петюком.

— А, новенький, — говорит она без особой приветливости.

Букет увядших подснежников все еще стоит на стеллаже, у фотографии.

— Я приехал, чтобы поговорить с вами о Жоре Березовском.

— Вот как!

В голосе ее настороженность. Взгляд тверд. На разгоряченное лицо падают пряди влажных черных волос... Нелегко ей приходится одной среди гор. Всякий народ ездит по тракту.

Я приехал к ней за помощью. Но трудно сказать, кто из нас больше нуждается в участии и заботе.

— Дело в том, что... Может быть, Жорка рассказывал обо мне. Я Вася Михалев. Мы с ним учились, росли вместе...

Смуглые руки безвольно соскальзывают вниз.

— Господи!

Она суетливо подает мне стул и зачем-то несколько раз проводит по нему тряпкой.

— Господи, Вася Михалев... Да садитесь же, садитесь.

Она выбегает, гремит корыто, морозный воздух клубами валит в распахнутую дверь. Через пятнадцать минут комната преобразается.

— Жорка много рассказывал о вас. Вспоминал. Ждал, что вы приедете... Когда это случилось, я хотела написать вам...

В окне синеют залитые закатным светом горы. Розовые отблески ложатся на ее лицо. У нее острые, угловатые, совсем еще девичьи плечи.

— Не надо, Таня. Ничего уже не изменишь...

Все слова становятся банальными рядом с настоящим горем.

— Ничего, это пройдет. Я уже почти привыкла. Сейчас.

Таня. Мама Таня. Почему Жорка ничего не писал о ней?

— Он говорил: «Ну, уж на свадьбу-то Василий приедет обязательно». Мы должны были жениться в июне, а в апреле это случилось.

— Таня, я приехал, чтобы узнать, как это случилось. Вам тяжело вспоминать. Но мне больше не к кому обратиться.

— Не жалейте меня. Не надо. Я расскажу обо всем.

В узких спортивных брюках, белом свитере, загорелая, она похожа на лыжницу, только что спустившуюся с гор.

Только у лыжниц не бывает таких грустных лиц. Таких глаз, обращенных внутрь.

Мы могли бы сейчас сидеть в этой комнате троим — Жорка, Таня и я. Это легко представить, если преодолеть душевную боль.

— Я расскажу обо всем...

СТРОЧКИ ИЗ БЛОКНОТА

Она приехала сюда из Красноярска. Бежала с сынишкой от мужа. За день до отъезда муж — ей странно сейчас называть этого человека мужем — устроил очередную пьяную драку. Бил ее. Сын вцепился зубами в руку, он отшвырнул мальчишку, ударил.

Она решила уехать подальше, где их трудно было бы отыскать. Увидела объявление: «Требуются метеорологи для работы в отдаленной горной местности».

На метеостанции ее встретил радист Борис Петрович — он с семьей живет за стенкой, в этом же доме. Сказал разочарованно: «Тю, опять девка». До нее здесь сменилось пять заведующих, все девушки. Никто из них не проработал больше месяца.

Глушь, горы, ежевечерняя тоска по людям.

Она проработала здесь целых два года, когда впервые встретила с Жоркой. Метеорология — очень интересно, если любишь эту профессию. Вот облака — для вас они безлики, конденсированный пар, не более. А их более ста видов. Различите слоисто-гуманообразные от слоисто-дождевых... Все это надо знать назубок и уметь шифровать каждый сорт облаков для сводок.

Сводки нужны пилотам. Их трасса проходит над горами.

Жорка заехал на станцию напиться воды. Сюда многие заезжали под разными предлогами. Поглядеть на девчонку, которая живет в таком безлюдье.

Она сразу решила, что Жорка особенный. По-

чему? Разве это объяснишь? Выбирает сердце, не разум.

Ждала — приедет ли еще? Приехал. Приволок огромный ворох багульника, ее любимые цветы. «Отправьте вашего парня со мной. Город посмотрит. В кино сходим».

Ваське, сыну, было пять лет. В кино он не был ни разу. Она отправила его в первое дальнее путешествие. Васька вернулся с плюшевым медведем, неизменно счастливый. Рассказывал о цирке под брезентовым куполом. Бредил «дядей Жорой».

Жорка был резким, вспыльчивым и наивным парнем. Легко ранимым, не умеющим лгать. Однажды она сказала: «Зря вы ездите». Подумала: «Он ведь вольная птица, шофер. Завтра захочет на Север, на Чую, в Невер. А я свяжу его по рукам и ногам. Я старше на год, у меня ребенок».

Жорка понял ее по-своему:

— Хорошо, раз не судьба, не приеду.

Она много думок передумала. Решила: «Нет, судьба». Он заехал попрощаться. Было поздно, в горах дула метель. Сказала: «Оставайся». И только тогда поняла, как дорог ей этот светло-волосый, неуклюжий парень, как ждала его, как любит.

И все, что было до, показалось ненужным, глупым, и все, что должно было быть, стало казаться единственно важным и значимым.

В свободные дни он вырывался к ней. Они бродили по горам, дали имена всем окрестным холодным и неуютным вершинам.

Это были их горы и внизу, у мачты с флюгером, ждал их дом. Их Васька.

По тракту прошла весть: «Березовский женится». Он подтвердил:

— Я сам сообщил ребятам. Пусть все знают.

Последние дни он ходил мрачный, озабоченный. Спросила:

— Что с тобой?

— Да так, по работе. Не хочу, чтобы ты беспокоилась по пустякам.

Шестнадцатого апреля его машина сорвалась с обледеневшей дороги близ Наволочного перевала.

Борис Петрович с женой ни на шаг не отходили от нее. Боялись. Но у нее был Васька, нужно было как-то жить — для сына.

Приезжали следователи, расспрашивали, она что-то отвечала... Сказали: «Результат неосторожности».

С тех пор прошло полгода.

Таня рассказывает, глядя в окно, — там, за стеклами, меркнет алое сияние вершин. Снег обволакивает каменные зубцы, как серебристая фольга. Глубокие тени ложатся в ущелья.

Тяжело ей, наверно, такими вечерами, когда тишина воцаряется в горах и только шаги соседа-радиота за стеной нарушают это великое саянское молчание.

Некого ждать. А дом еще хранит память о Жорке. Дощатый темный пол еще поскрипывает под его шагами. Окна озаряются фарами его автомобиля.

Если бы я поехал тогда с Жоркой, может быть, все было бы по-иному. Любой ценой я постарался бы удержать счастье, заглянувшее в этот дом.

Поздно.

— Таня, вспомните, Жорка ничего не рассказывал вам перед тем, как это произошло? У него не было никаких неприятностей, опасений?

Я не хочу рассказывать о последнем письме, полученном от Жорки. Пусть для нее это останется нелепой, трагической случайностью.

— Нет, ничего не рассказывал. Я подозревала, что у него произошла крупная ссора с кем-то. Но он молчал. Он был скрытен в своих личных делах. А вы что-то знаете?

— Нет. Не знаю. Может быть, у него остались какие-нибудь записки?

— Только тощий блокнотик. Но в нем я ничего не нашла.

— Петюк не интересовался этими записями?

— Нет.

Дверь неожиданно распахивается, и на пороге появляется маленький хозяин метеостанции с деревянной лопатой в руках. Лицо Тани светлеет. Она улыбается той доброй, чистой улыбкой, какой улыбаются все мамы на свете.

— Вот и мой защитник. Познакомьтесь.

Малыш очень серьезен. Он спокойно кладет сосульку на стол, стаскивает мокрую варежку.

— Вася.

— И я Вася. Значит, тезки.

Глазки у него от матери — темные, как перезревшие вишни, в черных обводях ресниц.

В окна уже заглядывает вечер. Пора ехать.

— Таня, мне нужно познакомиться с этими записями.

Она приносит блокнот. «Памятка агитатору», —

вдавлено золотом по красному ледерину. Цифры, диаграммы. На обложке единым росчерком — «Г. Березовский».

Последняя весть от Жорки.

На чистых страницах, помеченных сверху «Для заметок», Жорка набросал несколько неразборчивых фраз. Наверно, писал, сидя в кабине, положив блокнотик на колено.

«К выступлению на комсомольском собрании во второй колонне (уточнить со Стрельцовым датой)».

«Где-то прочитал: «Жизнь не те дни, что прошли, а те, что запомнились». Это верно. Надо, чтобы каждый день был полновесным. Бывает, оглянешься назад — и не можешь вспомнить ни одного дня. Что сделал хорошего? Не знаешь. Значит, существовал, а не жил».

«...Прочитал в «Курьере Юнеско», что на земле ежедневно от голода умирает десять тысяч человек. Мы сыты, но разве можем забывать о них? Еще не уничтожено зло. Я только шофер. Но кое-что зависит и от меня. Работать, работать так, чтобы как можно скорей для всех наступило счастье».

«Если бы каждый как следует сознавал, что живем мы за счет тех, кто погиб в 1917, 1941-м... Они отдали нам все, что могли, — молодость, жизнь. Мой батя убит в 42-м. Странно подумать — я его ровесник. Ему тоже было двадцать четыре».

«Не тем страшны ворюги и негодяи, что наносят материальный урон. Их немного. Страшно, что они портят людей. Шелкопряд объедает самые нежные листья. Так и они хотят уничтожить в людях самое

лучшее. «Чего тебе, больше всех нужно?», «Спокон веков своя рубашка ближе к телу», «Сам живи и другим дай». Это же над погибшими издевательство!»

Жорка, Жорка, узнаю тебя... Смогу ли я пройти по жизни так чисто и незапятнанно, как ты?

Последняя строчка в блокноте, помеченная девятым апреля, кажется мне несколько несуразной: «Выяснить с покрывками. Роль П. 46-я».

Какое отношение имеет запись к тезисам выступления? И что это за «П»? Не случайно последняя строка присоединена к фразе о «ворюгах». Видимо, Жорка хотел рассказать ребятам о каких-то темных махинациях.

Все это, впрочем, лишь предположения. Мне не разгадать смысл последней строки, пока я не познакомлюсь по-настоящему с жизнью на тракте.

Но кое-что я могу узнать и в ближайшие дни. Таня говорит, что авария произошла близ Наволочного перевала. Надо разузнать, кто проезжал через перевал в одно время с Жоркой. Если преступник тоже был на машине, он должен был ехать за Жоркой, выслеживая его, как хищник выслеживает добычу.

— Таня, кто живет близ Наволочного перевала?

— Там целый поселочек, — отвечает она. — Диспетчерский пункт, заезжая изба для шоферов.

Это как раз мне и нужно. У диспетчера должен быть журнал, где записаны номера проезжавших машин и фамилии шоферов.

— Если вам что-нибудь понадобится, Таня, вы скажите, я буду заезжать.

— Ничего, я справляюсь.

Она провожает меня к машине.

— Вы поосторожней на этих дорогах...

Высунувшись из кабины на повороте, я вижу желтое пятно света, падающее из окна на снег, и маленькую фигурку на необозримом белом пространстве.

МАШИНА ПОД ОБРЫВОМ

В Наволочном не больше двух десятков изб. Еловый лес — наволоки — подступает к домам, он словно отодвинул горы, залил темной зеленью широкую дорогу.

В сумрачной конторе пухленькая девушка, укутанная в шерстяной платок, ставит на путевой лист штемпель. Мусоля пальцы, листает диспетчерский журнал.

— Чтой-то я вас раньше не видала?

— Я новенький.

— Новенький?.. За Наволочным езжай осторожно: километров пятнадцать узкого пути. Второй год ремонтируют.

Я не свожу глаз с диспетчерского журнала. Это плотная, увесистая книга, в ней наверняка записи за целый год. Шестнадцатое апреля, шестнадцатое апреля... Как мне познакомиться с этой книгой чтобы не вызвать подозрений?

Белесые ресницы моргают из-под платка. Девчурка, наклонив голову, старательно вписывает в журнал номер моей машины.

— Сколько вам приходится трудиться, — завываю я нелепый разговор. — И пальцы в чернилах.

— Да я только помогаю диспетчеру, — охотно

откликается девушка. Она поправляет край платка, выпуская на лоб светлый локон.

— Все равно работы много... Небось машин сто в день проходит?

— Что вы! Откуда столько?

— Я же вижу по журналу.

— А что журнал?

Мои вопросы она воспринимает как неуклюжую попытку завязать знакомство.

— Ну, дайте я посмотрю по записям. Наугад, любой день.

Самые невинные и глупые хитрости иной раз действуют безотказно.

— Посмотрите. Все равно ошибаетесь.

Я листаю журнал, всем своим видом демонстрируя легкомысленность этого занятия, а девчурка, украдкой достав зеркальце, поправляет свой локон. Перед «новеньким» ей хочется предстать в лучшем свете.

Страница за страницей: тринадцатое апреля, четырнадцатое, пятнадцатое... За шестнадцатое записей нет! Вся страница вырвана так, что не осталось и корешка...

— Вы правы, девушка. Смотрите, шестнадцатого апреля не было ни одной машины! Не записано.

Девушка отставляет зеркальце и испуганно хлопает ресницами.

— Как нет записей?

Я показываю журнал. Она искренне взволнована:

— Ой-ой! Я же отвечаю за журнал! Сейчас сбегая за диспетчером.

— Пойдите!

Но она исчезает в дверях и через минуту приводит с собой маленького веснушчатого человека в пыжиковой шапке. Полунчик, «саянский гномик»! Он еще не успел сменить контору на новую автомашину, обещанную Петюком.

— Привет! — радостно улыбаясь, он трясет мою руку. — Что за пожар случился?

Девушка объясняет. Полунчик разводит руками:

— Вырвал кто-нибудь на сигарки. Такой народ эти шофера, только и гляди за ними...

— Да у нас никогда такого не было! — возмущается его пухленькая помощница. — Это же просто безобразие!

Полунчик успокаивает ее:

— Ну, что тут страшного?

— Конечно, — поддерживаю я его. — Раскурили небось страничку.

А в голове волчком вертится неотвязная мысль: «Не может быть, чтобы листок вырвали случайно. Из всего журнала этот «курильщик» выбрал страничку именно за шестнадцатое апреля. Необъяснимое совпадение...» Ощупью, в потемках, но я иду по верному следу.

— Ты заезжай, парень, — говорит на прощанье Полунчик. — Корешам всегда рады...

Машина, преданный друг, встречает ласковой воркотней мотора. Заснеженный тракт липнет к колесам.

Сразу за Наволочным один за другим выстраиваются столбы с грозными надписями: «Обгон строго воспрещен», «Ремонт пути».

Груды щебня и песка свалены на правую сто-

рону дороги. Все ближе и ближе 442-й, последний Жоркин километр.

С трудом втиснув свой пульман между щебнем, пропускаю встречную колонну медленно ползущих, сбившихся в кучу машин. Едва последний автомобиль освобождает дорогу, я вырываюсь вперед.

Приближается столбик с цифрами «442».

Тащусь как можно медленнее, прижавшись к откосу, круто уходящему вниз. На дне расщелины клубится паром ручеек. На синеватой хвое кедров ватными хлопьями висит иней.

Вон и машина внизу, у ручья. Не машина, а то, что осталось от нее.

Так выглядят обглоданные зверьем скелеты. Черный остов будто врос в снег. С машины сняли все, что можно было снять. Только тяжелая рама осталась как памятник лежать среди тощего обломанного березняка.

Мне писали: авария — результат скольжения, буксовки на заледеневшем тракте. Но почему же он не выскочил?

Подавшись вправо, я едва успеваю выворачивать руль, чтобы самому не полететь под откос. А что, если бы мой тягач подтолкнули сзади?

Представь себе: апрель. На дороге лежит слой влажного талого льда. Толчок — и мой ЗИЛ катится по склону. Переворачивается. Ударяясь о каменные зубья, рвет в клочья металл. Следствие, если оно всерьез заинтересуется происшедшим, постарается выяснить, кто же ехал следом. Диспетчерский журнал неминуемо выдаст. Поэтому на всякий случай виновнику надо уничтожить записи.

Так ли это было?

Я останавливаю ЗИЛ, притиснувшись к краю обрыва. Здесь очень узкий тракт — трудно разъехаться.

Осторожно, цепляясь за деревья, спускаюсь вниз, к ручью. Обломанные, расщепленные стволы обозначают крутую траекторию, по которой падала машина.

Вот здесь она ударилась о камень — до сих пор на диабазовом монолите сохранились темные пятна масла. Вероятно, кабина сразу же перекосилась и дверцу заклинило, поэтому Жорку не выбросило при толчке.

Но почему все-таки Жорка не выпрыгнул, как только машина начала сползать под откос?

Он же был классным шофером, понимал, что происходит.

Только неожиданный и предательский удар сзади — буфером в колесо — мог сбросить его под откос.

Я провожу ладонью по искореженному металлу. Нет, ни скалы, ни ручей на дне ущелья, ни этот железный остов ничего не расскажут мне.

Сверху, зайцем прыгая по снегу, катится камень. Я поднимаю голову. Наверху, у моего ЗИЛа, остановился чей-то грузовик. Два темных силуэта выделяются на ослепительном снегу.

Едва я делаю шаг, чтобы начать утомительный путь наверх, как фигуры исчезают. Грузовик, взревев мотором, скрывается за поворотом.

Эти двое наблюдали за мной...

ЧУЖАК В ДОМЕ

Голова гудит, как церковный колокол. Вылезаю из кабины, нащупывая негнушимися ногами подножку. Наконец-то меня ожидает отгул. Машина пойдет на профилактику.

Во дворе базы перед мастерскими выстроилась очередь. Из выхлопных бьют тугие струи грязно-белого дыма. Мороз.

Подлезаю под машину, чтобы осмотреть диффер, и тут ощущаю, как соленая влага заливает глотку. Земля становится зыбкой. Кровь теплой струйкой течет по подбородку.

— Эй, парень!

Это Дробыш, маленький механик из мастерских.

— Снежку приложи, снежку.

Холод обжигает переносицу. Дробыш смеется.

— Горы, парень! Всю душу вымордуют. Это с непривычки, оклемаешься. Небось ночь не спал.

Дробыш осторожно берет у меня из руки ключ зажигания.

— Ну иди отдыхай, отгуливай свое. Все сделаем, как надо, осмотрим машину... Приходи вечером в чайную — пиво привезли. И бананы...

В проходной автобазы сторож, не взглянув на пропуск, открывает щеколду. Я уже «свой», примелькавшийся. На дверях белеет листок — объявление, написанное от руки.

«Внимание, водители! Кто желает записаться в автоколонну на «сорок шестую», обращайтесь к В. Стрельцову».

Сорок шестая... В памяти сразу встает последняя строчка из блокнота Жорки: «Выяснить с покрышками. Роль П. 46-я». Что же означает эта цифра — «46»?

— Где отыскать этого Стрельцова? — спрашиваю сторожа.

— Володьку-то? — удивляется сторож. — Да его кто не знает. Шофер из первой колонны, однако. Живет рядом с автобазой — дом под железной крышей.

Во дворе дома под железной крышей румяный широкоплечий парень в гимнастерке, ухая, рубит дрова. От разгоряченного тела идет пар.

Я сразу узнаю его. Это тот самый шофер, перед которым в диспетчерской стушевался Петюк. Парнишка крепкий. Гимнастерка словно приросла к мощным бугристым плечам.

— Я насчет «сорок шестой», Стрельцов.

Он бросает топор в чурбак — лезвие до обуха входит в древесину. Вытирает мокрый лоб.

— А ты что, тоже в «сорок шестую» собрался? — с удивлением спрашивает он.

— Да.

— Так мы добровольцев набираем. «Бить» дорогу, прокладывать зимник, понял? На этом рейсе много не заработаешь.

— Ну и что?

— Как — что... Ты же из петюковской компании. А они коротких рублей не любят.

Говорят, по улыбке можно узнать человека. Улыбка у него добрая, прищуренные глаза лучатся смехом. На вытоптанной в снегу площадке Стрельцов рисует нехитрую схему.

— Гляди, парень, ты новенький, еще не освоился... Вот Козинск, так? А вот «сорок шестая». Летом к геологам дороги нет. Аэродрома построить негде, вертолетом не разрешают: горы... Единственный путь — зимник. Но его надо «пробить», дело не шутейное. Берем только надежных ребят.

Очевидно, незадолго до аварии Жорка тоже ездил в «сорок шестую». Связь между этими двумя событиями наверняка существует: его запись помечена девятым апреля, а катастрофа произошла шестнадцатого. Может быть, поездка к геологам позволит мне кое-что разузнать о нем, раскрыть смысл последней строчки в блокноте? Покрышки, загадочные покрышки...

— Я поеду, Стрельцов.

Он пытливо рассматривал меня. Плотный, лобастый, как телок. Видать, из тугодумов.

— Ну, что ж. Приходи завтра к шести утра.

В доме тети Фени мной овладевает неясное ощущение тревоги. Как будто кто-то невидимый присутствует здесь, следит настороженно и враждебно.

Оглядываюсь. Изба пуста. Но кто-то был здесь. Ощутимы следы чужого. Ширма, отгораживающая мой закуток, отодвинута. Книги на этажерке стоят как попало. Наверху, где лежал томик Симонова, — справочник шофера.

Здесь хозяйничали нетерпеливые и неловкие руки.

У чемодана отщелкнут язычок замка. Вещи в беспорядке. Белая отутюженная рубашка смята.

Осматриваю содержимое чемодана. Так и есть. Конверты с письмами Жорки, хранившиеся в карманчике чемодана, небрежно брошены на белье. Их читали. Кому-то теперь известна цель моего приезда...

Но ведь тетя Феня неотлучно была в доме, она должна знать, что за чужак побывал в доме. Выхожу на крыльцо, где хозяйственная баптистка кормит индюшат.

— Тетя Феня, кто копался в моих вещах?

Баптистка моргает глазками и приставляет к уху ладонь рупором. Недослышала, конечно.

— Кто приходил ко мне?

— А никого не было...

— Нет, был!

— Я уходила из дому, не видела.

Она явно не договаривает чего-то, скрывает. Но допытываться у баптистки бесполезное занятие. Кремень старушка.

Больше я не могу оставаться в этом враждебном и неудобном доме. Куда пойти? В Козинске у меня нет ни одного близкого человека. Разве что Дробыш, маленький механик, который взял на себя заботу о моей машине. Он приглашал в чайную...

НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

На крыльце чайной под электрической лампочкой толпятся шоферы. Счастливицев, у кого подошла очередь, впускают по одному дружинники. Пиво в Козинске — редкая удача.

— Михалев, давай сюда! — Дробыш, выбритый и в новом полушубке, кричит с верхней ступеньки.

Чайная оглушает гомоном и густым запахом пива. Пьют из кружек, пол-литровых банок и из графинов, пьют жадно, впрок. Не скоро еще выпадет шоферу свободный вечер, когда можно вот так посидеть за графином, не ожидая вызова.

Мы с Дробышем подсаживаемся к хлопцам, только что вернувшимся из рейса. Лица у них перепачканы мазутом. Шоферы шикуют: заказывают к пиву шампанского, щей, котлет, бананов и тарелку соленых огурцов.

За соседним столом, окруженный почитателями, восседает на табурете баянист. Гордо глядя поверх голов, он наигрывает «Чу-чу». Пальцы легко бегают по перламутровым пуговкам.

— Гуляют шофера! — Дробыш поднимает банку с пивом. Банки глухо стучаются. — Ну, будем.

Мы пьем жадно, большими глотками. Приятный холодок ползет внутрь.

Корявыми, разбитыми пальцами Дробыш держит нежно желтеющий банан.

— Я, парень, сегодня семь машин пропустил, ей-богу. И за слесаря, и за карбюраторщика, и за гонщика. Не хватает народу. Гремит нынче Сибирь. В славе!

Он окидывает взглядом шумный зал. Столики плавают в папиросном дыму, как острова в тумане.

— Ну, будем.

Чокаемся жигулевским. Графин пустеет, на стенках его оползает пена.

— Когда пришли первые машины, понял? — рассказывает Дробыш. — Всякие там «бюссинги», «амо», «форды», то-то было! Тракт плохой, машины скачут, как телеги. Тормоза негодящие. С горы, знаешь, как спускались? Срубим лиственницу или там ель, привяжем сзади за комель, сучьями против хода, и спускаемся, тормозим, понял, парень? А профсоюз у нас был — шоферов и авиаработников, понял? К летчикам приравняли, значит. Редко кто в шоферы выходил. А сейчас плюнь — в шофера попадешь. Гремит Сибирь, гремит!

Баянист быстро пробегает пальцами подряд все пуговики, мехи издают рыкающий звук. Соседние столики стихают.

— Шукшин петь будет, — шепчет Дробыш.

Шукшин тихо и медлительно начинает выводить мелодию. Его сухое, скуластое лицо по-прежнему бесстрастно.

Это бесхитростная песенка о девчонке, которая уехала неизвестно куда, затерялась в бескрайней Сибири.

Ой да ты, тайга моя густая,
Раз увидишь, больше не забыть.
Ой да ты, девчонка молодая,
Нам с тобой друг друга не любить.

Голос у парня слабенький, низкий, он поет как бы для себя, не думая о том, слушают его или нет.

...А наутро быстрые олени
Унесут в неведомую даль.
Уезжала ты одна по Лене,
Увозила радость и печаль.

Тихо становится в чайной. Наивная песня творит чудо, подчиняет весь гомонливый шоферский народ.

Усталые парни слушают баяниста. День за днем они воюют с суровыми саянскими километрами. Ночуют в жестяных кабинах своих машин. Мерзнут, умываются снегом, чтобы отогнать сон, и работа становится для них единственным смыслом существования. Они грубеют, ожесточаются.

Но сейчас их сердца открыты песне.

...Растроганный Дробыш рассказывает о первых рейсах по тракту, о том, как волки выскакивали под свет фар; я киваю головой и думаю почему-то о Тане с метеостанции.

— Вы, конечно, извините. Пару слов сказать... Им!

Подгулявший бородатый человечек с пропитым лицом и скоморошьими ужимками показывает на меня пальцем. Лицо его выражает смесь заискивания и наглости. Не надо быть психологом, чтоб разглядеть в нем любителя угоститься на чужой счет.

Дробыш недовольно морщится.

— Шел бы ты, Чуркин. Кому ты нужен?

— Я всегда могу пригодиться человеку. Недавно начальник приезжает на автомобиле. Увяз в грязи. Загорает. Я подошел, говорю — за «четвертную» в минуту вытащу. Дали. В хаты сбегал, созвал народ. Говорю: машина за больным приехала, погибает человек. Па-алезли в самую грязь. На руках вынесли. Шофер удивляется — как это я людей поднял?

Смеется. Вот гад.

— Слушай, ты, — говорю я. — Катись лучше!

— Вона! Да ты, парень, гвоздь. Смотри, как бы не вдарили по шляпке.

Он, кажется, рад ссоре. Лезет ко мне, шепчет в ухо:

— Бить тебя ребята будут, понял? У нас, знаешь, как бьют — на костылях уедешь! Зачем не в свое дело суешься, воду баламутишь? Шпионить приехал?

Я брезгливо отталкиваю Чуркина.

— Ты не бойсь. Ты меня уважь, а я дело слажу, не тронут. Меня тут все знают, все могу...

Я не рассчитал силу толчка. Чуркин влипает в чужой столик.

Баянист перестает играть. Ссора. Тут около меня появляются официантка и буфетчик.

— Выйдите из чайной, драчуны... На морозе остынете.

Приходится подчиниться. На улице темь. Машина, проезжая мимо, слепит глаза. Из кабины, описав алуку дугу, вылетает окурок и разлетается искрами у моих ног. Улица снова становится пустынной.

Сзади раздается тяжелый топот. Сапоги барабнят по доскам: «гуп-гуп-гуп-гуп». Несколько человек.

Топот этот отдается где-то внизу живота, тело заполняет холодок страха. Драка будет не по правилам.

Из темноты выбегает человек. Медведеобразная тяжелая фигура. Он останавливается и медленно приближается ко мне. За ним неясно обозначаются несколько теней.

Сердце ходит в груди, как шатун. Значит, вот как: кучей на одного, в темноте, подло...

— Приехал раскапывать старые дела, «следователь»? — Голос кажется мне знакомым. — Вот уложим тебя к хирургам...

Нельзя медлить. Отталкиваю от стены и бью его головой. Он исчезает. Я успеваю ударить еще кого-то. Главное — не переходить в защиту. И не упасть. Иначе будут бить ногами.

Кто-то пробует схватить меня сзади, я вырываюсь и получаю сильный удар в лицо. Только устоять на ногах!

— Кольями, кольями от забора!

Слышен треск штакетника. Я перестаю что-либо соображать. Кто-то налетает на меня, кого-то я бью. Удары сыплются со всех сторон.

Бац! Это по затылку. Лечу вперед, спотыкаюсь и падаю. Пытаюсь встать, но меня валит сильный удар сапогом. Я еще раз поднимаюсь и еще раз падаю. Боли не успеваю ощутить.

Сейчас начнется настоящее избиение. Встать, во что бы то ни стало встать! Раздается чей-то резкий свист, и неожиданно улица пустеет.

Меня берут за плечи, ставят на ноги, встряхивают. В глазах плывут оранжевые мыльные пузыри.

Сознание постепенно проясняется. В свете карманного фонаря я вижу Дробыша и парней с красными повязками. Среди них — Стрельцов.

— Кто тебя? — спрашивает он.

— Не знаю.

Дробыш подает мне шапку.

— Я смотрю, они снялись — и за тобой. А мы за ними.

— Спасибо, механик.

Холодный встречный ветер обжигает пылающее лицо. Втихомолку я нащупываю пальцами скулу. Глаз уже заплыл. Ничего, им тоже досталось.

Стрельцов недоверчиво, исподлобья рассматривает меня. Для него я все еще «недруг» из компании Петюка.

— Слушай, парень, зайдем ко мне, — предлагает он. — В таком виде тебе нельзя домой являться.

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

В новой избе Стрельцова чисто и пусто, пахнет смолистым деревом, стружкой. Свет голый электрической лампочки режет глаза.

— Так что же все-таки стряслось?

Из зеркала на меня глядит чужое, опухшее лицо. Нет, хватит. Не один же я воитель на свете. Я ничего не смогу сделать, если буду по-прежнему хорониться от людей.

— Ты Жорку Березовского помнишь, Стрельцов?

— Ты, собственно, к чему?

А нужно ли ему все это? Запоздалая мысль как тормоз, отпущенный, когда поезд уже набрал ход. Полгода прошло с тех пор. Новый снег лег на горы. У Стрельцова своя жизнь, свои заботы. И Жорку он знал без году неделю.

Я собираюсь посвятить его в историю, которая, может быть, далека от него.

Но отступать поздно. И я рассказываю. Обо всем: письмах Жорки, первом своем рейсе, встрече с Таней, о неизвестных противниках, устроивших за мной слежку.

Стрельцов слушает, наморщив выпуклый крепкий лоб. Не шевельнется. Непробиваемый сибирячок.

Что у него там за мысли ворочаются под черепной коробкой?

Стрельцов долго молчит насупившись.

— Выходит, зря я думал, что ты из приятелей Петюка. Ну, теперь мне ясно. Так ты, говоришь, у тети Фени остановился? То-то мне показалось...

— Что показалось?

— Когда эти прохвосты разбегались в темноте, я как будто знакомого приметил. Ты знаешь, что Пономарь — племянник баптистки?

— Не знаю.

— Кого бы еще она пустила в дом — рыться в твоих вещах?

Он говорит медленно. Слова рождаются, как результат внутренней работы, раздумья. Именно поэтому чувствуешь особое доверие к ним. В ином

человеке слова булькают, как вода в перегретом радиаторе. Открой крышку — и все разлетится паром. Со Стрельцовым не так.

— Я помню, что после смерти Березовского была тщательная экспертиза. Никаких следов удара не нашли. И по следу видно было, что машина сорвалась после буксовки...

— Почему же вырвана страница из диспетчерского журнала?

— Этого я пока не понимаю. Ясно одно: тут замешан Пономарь.

— А Петюк? — спрашиваю я. — Может быть, из ревности...

— Не думаю. Видишь ли, я тебе сейчас кое-что объясню. Автобаза, сам знаешь, у нас новая, неполадок много. Год назад был просто перевальный пункт. Народ прибывает отовсюду. И всякий народ. Директором поставили пока старого заведующего перевалкой Ершова, а он... Есть такая древняя болезнь — за воротник закладывать. Человек, правда, неплохой, сам бывший шофер, но для директора не годится.

— Чего ж его не выгонят?

— Не все сразу делается. Отсюда до Кадыра, до райцентра, немало километров. Письмо насчет того, чтобы прислали нового директора и навели порядок, мы уже отправили... Пока всеми делами на базе заправляет Костюков, но он ни к чему не хочет всерьез руки прикладывать.

— Какое отношение это имеет к Жорке?

— Ты слушай. Петюк, Пономарь и прочие дружки воспользовались обстановочкой. В любимцы к Костюкову затесались. Они у него план не

двести процентов делают. Откуда двести? Ненормальная цифра. Из них только Петюк настоящий шофер. Но им машины новые, резина вне очереди, ремонт вне очереди. Лучшие грузы — им. Тонна-километры получаются бешеные, деньги тоже. Что-то здесь нечисто...

— Ты хочешь сказать: Жорка что-то разузнал и встал им поперек пути?

— Может быть... Они способны на подлость. Один лишь Петюк чистенький, вся жизнь его про-

шла в Козинске, на виду. Пономарь отсиживал по уголовному делу, Соломкин, тот, которого Гирей зовут, тоже. Полунчик — личность с загадочным прошлым. Голыми руками таких не возьмешь. Я давно к ним присматриваюсь, но никак не могу докопаться до сути.

— Слушай, Стрельцов, — говорю я и достаю заветный Жоркин блокнот. — Надо сначала с Берозовским выяснить. Он, возможно, узнал больше, чем мы с тобой. Нужно довести, что он начал, до конца. Смотри.

Я показываю ему последнюю строчку в записях Жорки. «Выяснить с покрышками. Роль П. 46-я».

— Все это относится к выступлению Жорки на комсомольском собрании по второй колонне. Он с тобой хотел уточнить дату.

— Помню, он должен был выступить у нас, на отчетном. Его собирались выбрать комсоргом.

— При чем здесь покрышки и «сорок шестая»?

— На базе у нас автопокрышки — самый больной вопрос. Нет резины. Начальство где-то ее достает за деньги, а потом продает нам. Втихую, конечно. Что поделаешь? В горах резина снашивается быстро. Приходится выкручиваться. Но какая связь между этими покрышками и геологами...

Стрельцов, по-бычьему насупившись, решает задачу. Чем-то он напоминает мне Жорку. Внешнего сходства, конечно, нет. Жорка был порывистый, верткий, как будто пружинка была в нем заложена. Этот — медлитель, тяжеловес. Но чувствуется в нем та же упрямая пробивная сила, те же доверие к людям, участливость и доброта.

— Завтра, если доберемся до «сорок шестой»,

попробуем разузнать. А я выясню, с кем Березовский ездил к геологам, нет ли тут загвоздки.

Над головой тикают ходики, металлический котенок следит за нами бегающими глазенками, отсчитывает секунды. Я начинаю прощаться.

— Э, нет, оставайся, — решительно говорит Стрельцов. — Я тебя не отпущу к этой баптистке.

— Ты думаешь, они снова?..

— Пономарь далеко не ушел. Здесь топчется. Теперь надо глядеть в оба, Михалев. Если они действительно замешаны в гибели Жорки, то пойдут на все. Сам понимаешь.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Несколько дней назад здесь прошли бульдозеры, подготавливая для нас зимник. Но снег покрыл колею пухлым слоем. Приходится двигаться ощупью, то и дело останавливаясь и вытягивая увязшие машины.

Мы «бъём» дорогу в сорок шестую партию. В кузове машин — трубы для бурения, продукты, солярка, патроны — словом, все, без чего геологи не могут жить в тайге.

Мы со Стрельцовым, сменяя друг друга, едем в головном вездеходе, торя колею для остальных машин. Они, растянувшись цепочкой, идут гуськом, стараясь ни на сантиметр не увильнуть в сторону от рубчатого глубокого следа.

Зимник, верткий, с крутыми поворотами и наклонами, вьется меж гор. Руль мотает из стороны в сторону, слезятся глаза.

Впереди, проступая из снега, голубеют наросты льда. Над ними стелется пар. Теплый ручей пробивается в склоне.

— Наледь, — шепчет Володька. — Будем проходить с хода.

Он набирает скорость. Колеса тяжело скачут по ледяным буграм, машину трясет, словно десятки снарядов взрываются под бортами. Нас мотает из стороны в сторону, как близнецов в зыбке.

Проскакиваем. Вслед за нами, переваливаясь и подпрыгивая, преодолевает наледь еще один ЗИЛ.

Потом красная ракета, оставив дымный след, повисает над кабиной. Шипя, утыкается в снег.

Остановка. Одна из машин пробила лед и увязла в дымящейся воде. Час-другой — и вмерзнут колеса.

Матвейч, водитель злополучного зилка, стоит на подножке в латаных валенках, опасаясь ступить в воду. Матвейч немолод, он и летом в валенках ездит — нажил на дорогах ревматизм.

Стрельцов объявляет очередной аврал. Андрей Иванович и Андрей Борисович, шлепая по лужам, заводят трос. Это девятнадцатилетние ребята, рыженькие, рябоватенькие, похожие друг на друга, как новорожденные котята. Величают их по имени-отчеству, чтобы не путать: у ребят одна фамилия — Косых.

— Цепляй к моему! — кричит Антон Паламарчук.

Ребята набрасывают трос на буксирный крюк. Грузовик взывает и в бессильной ярости царапает ледяную корку.

Паламарчук, цыганисто-смуглый красавец с гвардейскими усами, выскакивает на подножку.

— Подгоняй свою таратайку, Стрелец!

Вездеход впрягается в упряжку.

— Давай за руль, а я буду командовать, — говорит мне Стрелец.

Новая неизведанная радость работы охватывает меня.

С того дня, как я приехал в Козинск, во мне словно жили два человека. Один, настороженный и недоверчивый, был действительно я. А второй — тот, который разговаривал, делал какие-то дела и совершал поступки, существовал сам по себе, как двойник.

И вдруг все слилось в одно целое и я живу по-настоящему.

— Давай, Михалев, трогай.

Осторожно отпускаю сцепление, чувствую: за спиной, как гигантская стальная пружина, натягивается трос. Машина словно в стенку уперлась. Вот подалась стенка. Быстрее и быстрее. Вытащили!

И снова тряский, неуверенный бег грузовика по заснеженному зимнику. Плохо подмерзшее болото пружинит под колесами, выгибается дугой. И снова один из грузовиков оседает среди кочек, пробив потревоженный торфяной настил. Аврал. Суета. Гомон. Потные лица.

Вот как они «бьются», зимние дороги в Саянах.

Колонна подтягивается к ведущей машине, чтобы приготовиться к новому рывку. В кабину заглядывает баянист Шукшин.

— Задержись, Стрелец. У Матвеича радиатор потек.

Там, в тайге, в поселке сорок шестой партии, геологи с нетерпением ждут нашего поезда. Но не только это заставляет спешить в «сорок шестую». Стрельцу удалось выяснить: в начале апреля Жорка Березовский действительно выезжал к геологам. Вместе с Пономарем. Матвеич видел: две машины готовились к дальней поездке. Березовский вез фураж для лошадей, а у Пономаренко кузов был закрыт брезентом.

Но удивительное дело — в записях этот рейс Пономаря не был отмечен. Матвеич, который хорошо знал местность вокруг «сорок шестой», помог неожиданной догадкой. В семи километрах от поселка геологов находилось одинокое зимовье, принадлежавшее родителям Пономаря. Зимовье давно пустовало.

Не туда ли отвез Пономарь загадочный груз? Это и предстоит нам проверить.

Темная, тяжелая туча показывается из-за сопки; стволы чахлых березок становятся вдруг ослепительно белыми на свинцовом фоне.

Матвеич спешит к нашей машине. Пот бисерными каплями стекает на его рыжую бороду.

— Кое-как залатали, Стрелец. Трогаем! Оттепель ожидается.

— Снегопад вижу, а вот оттепели не чувствую.

— Почувствуешь, когда поживешь с мое.

Колонна снова отправляется в путь. Щетки «дворников» смахивают крупные снежинки со стекла.

— Ну все, застряли, — с горечью говорит Стрельцов. — Поддувало не проскочим.

Через полчаса подъезжаем к Поддувалу. Так называется ущелье, в котором даже при тихой погоде бушуют сквозные ветры.

Сейчас Поддувало — как аэродинамическая труба. Метровые сугробы преграждают нам путь. Белый вихрь намертво закрывает густой творожной массой стекла. Стрелец выскакивает из кабины.

— Стоп!

Машины останавливаются впритык — буферами к буферу. Словно стадо белых слонов сгрудилось близ ущелья.

Стрелец устраивает «летучку». Становится совсем темно. Мокрый снег тает на лицах.

— Надо ждать бульдозера от геологов, — предлагает Матвееч. — Если посреди ущелья застрянем — засыплет.

С ним соглашаются. Оставляем у машин дежурного и идем к «шоферской избе». У самого входа в ущелье стоит этот просторный сруб, выстроенный для водителей, пережидających непогоду.

Единственное окошко постепенно приваливает снегом. Зажигаем лампу. Ребята, кряхтя, расстилают на нарах полушубки и ватники.

Неунывающий Шукшин уже извлек из черного футляра свой баян и вполголоса напевает: «Ты не лякайся, що мерзнешь, лебедонько, от того витра та хмар».

— А у самого молодая жена дома. Вот такая она, шоферская долюшка, — бормочет Матвееч. — Не из рук в руки, а из мук в муки.

Постепенно обживаем избушку. Андрей Иванович и Андрей Борисович затевают вольную борьбу на нарах. Паламарчук читает приключенческий роман. Адам Лауринайтис извлекает из подкладки шапки иголку и начинает латать свой зипун.

Время тянется мучительно медленно.

— А ну тихо! — говорит «близнятам» Матвейч. — Слышите?

Мы прислушиваемся. Ветер воет за окном.

— Машина!

— То Шукшин баян тронул...

— Машина, говорю!

Через минуту-другую слышим комариный гул мотора. По нашим следам пробирается чья-то машина. Не заблудилась бы в метели. В горах, накрытых плотным одеялом облаков, совсем стемнело.

— Андрей Борисович, Андрей Иванович! — приказывает Стрельцов. — Возьмите фонарик — и на встречу. Друг от друга не отходить.

Все явственнее шум двигателя. Хлопает дверца, приближаются голоса.

— Однако! — Стрелец с недоумением смотрит на меня. — Знакомый пожаловал!

В избушку, согнувшись под притолокой и оббивая снег, вваливается Пономарь.

— Здорово, парни! Прибыл к вам на подмогу. Возражений нет?

За спиной у Пономаря, дулом книзу, висит двустволка.

— Это на какую подмогу? — спрашивает Стрельцов. — Медведей стрелять?

— Начальство послало — на случай, если по-

требуется лишняя трехоска.

Пономарь располагается на нарах. Появление незваного гостя вносит в избу атмосферу настороженности. Чужеродное тело залетело на нашу орбиту.

— Неспроста Пономарь сюда прикатил, — шепчет мне Стрельцов.

— Это я понял... Ружьишко его мне не нравится.

— Мне тоже. Пойдем посмотрим на его машину.

Согнувшись под напором снежной бури, мы подходим к автомобилю Пономаря. Стрельцов заглядывает в кузов.

— Так и есть. Порожняком. Хочет что-то увезти с зимовья, прежде чем мы туда нагрянем. Переполошились они, Михалев.

— Володька! — предлагаю я. — Что, если мы как следует тряхнем этого Пономаря!

— «Трахнем»! Его на пушку не возьмешь, стреляный воробей. А доказательств у нас никаких. Его надо с поличным накрыть, вот что! Пока не подавай вида...

В ущелье грохочет, завывает буран. Снег накладывает белые маски на наши лица.

Мы возвращаемся в избу. Ребята сгрудились вокруг Матвенча, как телята, слушают.

— ...И были здесь, близ самого Поддувала, прииска. Его величества государя-императора золотые промысла. Старались, значит, на этом месте, старатели...

— А сейчас где эти прииска, Матвенч?

— Под снегом. Каждую вёсну приходит сюда старик Дмитриев. Самородок ищет.

— Про него я слышал. Чудной! — говорит Андрей Борисович.

— Почему чудной? — обижается Матвенч. — Я у него спросил как-то: «Зачем тебе самородок?» Говорит: «Хочу, чтоб школу построили на эти деньги или ясли. И чтоб табличка была: жил такой Дмитриев и пожертвовал свой единственный капитал... Хочу, — говорит, — след в жизни оставить».

— Ему-то что с этого следа будет? — спрашивает с нар Пономарь.

Матвенч сыплет на газетный обрывок махорку, хитро щурится.

— Ты вот по тракту едешь, а кто-то этот тракт строил. Значит, он след оставил, а ты пользуешься.

— Я езжу и о нем не думаю вовсе.

— Надо думать. Наука говорит: даже обезьяны умеют.

Избушка сотрясается от хохота. Язычок пламени в лампе беспокойно трепещет.

— Слушай, старик! — спрашивает один из «близнят». — Я вот думаю: придет время, на-

строят здесь городов всяких, курортов, культурно будут жить. А вспомнят ли про нас? Мол, мучались, громыхали по этим дорогам...

— Мучались! Настоящим мученьям ты и полцены не знаешь, как оно бывало прежде.

— Я так думаю, — говорит Андрей Борисович, осененный догадкой. — Каждый раз людям кажется, что им трудно жить. Вот, мол, в будущем — легче станет. Оно и вправду легче, да не для новых, а для старых, кого уже нет... А у новых свои трудности.

— Может, и так, — соглашается Матвейч. — Ступать в след оно легче. Бить дорогу — тяжело.

След... Верно это: каждый должен оставить добрый след. Жорка прожил совсем немного. Но сейчас по его следу иду я. И Стрелец. Жорка объединил нас.

Он хотел сделать так, чтобы жизнь была лучше, чище, прекраснее. Чтобы не попадалось на пути всякого гнилья.

— Ложись спать! — Стрельцов подает мне доху, шепчет: — Пока буран, никуда не денется этот Пономарь.

ЗАПАДНЯ

— Вставай! — Стрельцов толкает под бок.

В избе, сотрясаемой храпом, темно. Я не сразу прихожу в себя после тяжелого сна.

— Пономаря проспали. Ушел он!

— Куда?

— Должно, на зимовье подался. Собирайся скорее.

Выскакиваем из избы. Снегопад стих, небо прояснилось. Обозначились тупые вершины ближних белков.

Машины стоят на заметенной дороге, как сугробы, все ущелье забито снегом. Володька приглядывается к гладкому белому склону. На нем — неровной строчкой — отпечатки сапог.

— К Казырчику подался.

Утопая в мокром, липучем снегу, мы спускаемся к реке.

Тепло. Потоки прогретого в неведомых жарких краях воздуха перевалили через хребты и заполнили низины. Тучи, предвестники южного наступления, ушли далеко вперед.

Казырчик, быстрый и упрямый, не поддался первым морозам. Темная вода журчит, хлюпает посреди реки, но закраины у берегов крепки и надежны. По прибрежному льду, прижатая открытой водой к скалам, проходит гужевая дорога.

— Вот здесь он и пошел, — объясняет Володя. — Километров через пятнадцать, ежели перевалить через Собачий хребет, тропа к зимовью Пономаря.

На льду снегу немного — смело ветром. Идти довольно легко. Слева темная полоса kloкочущей воды. Справа — обрывистый скальный берег.

Мы налегке, в ватниках, кирзовых сапогах. У Володьки на ремешке охотничий нож в деревянных ножнах.

Солнце поднимается над скалами, и первые лучи его заглядывают в ущелье, пробитое Казырчиком. Становится еще теплее. Ручьи текут со скал прямо на ледяную дорогу, смывают снег. Вода

обламывает от заберегов куски-льдинки, жадно глотает их, перемалывает в клокочущей пучине.

Становится скользко идти. Стрелец с беспокойством поглядывает наверх, на солнце.

— Ничего, далеко не уйдет. Прямо на зимовье и застанем.

Неумолчно стучит капель. словно весна неожиданно ринулась в горы. Сапоги тяжелеют, мокрые портянки сковывают шаг.

— Далеко еще, Володька?

— Недалече.

Солнце жжет сквозь ватник. Камни шевелятся, вздыхают. Время от времени сверху обрывается какой-нибудь булыжник, шлепается на лед.

Стрелец, бывалый таежник, вовремя заслышав тревожный шелест, предупреждает:

— Полундра!

Камень глухо бьет в лед.

Берег вздымается все выше и выше. Струи теплой воды описывают крутые траектории, падая с камней.

— Полундра! — Володька неожиданно приседает, оглядывается.

Сзади с веселым треском начинают скакать камни. Они прыгают по уступам и, словно снаряды, бьют в Казырчик, поднимая фонтаны брызг.

И вслед за этим кусок скалы, не выдержавший водной атаки, начинает медленно оползать вниз. Он скользит все быстрее и, наконец, каменным обухом бьет в дорогу, круша ледяное полотно на тысячи осколков.

Грохот рождает стократное эхо в долине Казырчика. Там, где проходила ледовая дорога, те-

перь зияет широкая темная полынья. Казырчик, словно ему надоел узкий фарватер меж заберегов, тут же устремляется к скале, подбирает ледовые обломки, швыряет в поток.

— Повезло, — говорит Володька. — Успели проскочить. Теперь назад дороги нет...

Через триста метров, на крутой излучине, мы снова упираемся в полынью. И здесь Казырчик размыл дорогу, плещется у самых скал.

— Вот тебе на...

С трех сторон нас окружает теперь вода. До противоположной ледовой закраины десяток шагов. Не перепрыгнуть. Казырчик крутит буруны, свивает темные жгуты из воды — пугает.

Справа отвесная скала. Сто метров скользких, намокших камней. Западня.

Раз и другой мы проходим от полыньи до полыньи по узкому отрезку дороги. Нет, нигде не пробраться к тому берегу. Широко Казырчик. Скала тяжело и мрачно висит над нами. Потрескивает лед и шуршит, гомонит о чем-то своем вода.

— Объявляю перекур, — говорит Стрелец.

Наверху, на самом краю скалы, свесив корнизупальца, стоят лиственницы. Над лиственницами бегут зимние, ослепительно белые облака. Задержишь голову и кажется, это не облака плывут, а падает, кругом идет земля, и ты вращаешься с ней и летишь по наклонной в какую-то бездну.

— Может, попробуем залезть, Стрелец?

— Пустое. Оборвешься.

Солнце начинает уходить за скалу. Тень медленно накрывает нас, и сразу становится холоднее.

На том берегу еще день. Снег сияет под солнцем. Берег уходит полого ввысь, к горам.

— Смотри, Стрелец!

Метрах в трехстах от нас, вдоль Казырчика, идет человек. Он упрямо идет по липкому снегу, переставляя овальные охотничьи лыжи. За спиной — прикладом вверх — ружье.

Если бы он помог перебросить через Казырчик пару жердей — на том берегу достаточно лесу!..

— Э-эй!

Человек идет как ни в чем не бывало по направлению к Собачьему хребтику. Он не может не слышать, если только не глухой. Он не может не видеть нас, если не слеп!

Он останавливается, поправляет ружье и продолжает путь.

— Да это же Пономарь!

Стрелец в бешенстве сжимает кулаки.

— Ну да, он. И лыжи припас. Осмотрительный!

Пономарь медленно удаляется, забирая все выше в горы. Не оглядывается.

— Перехитрил он нас, перехитрил! Лучше знает эти места.

— К зимовью подался?

— Куда же еще?

— Может, просто перехватить нас пошел, с ружьишком?

— Может, и так.

Володька, прислонившись к скале, сам застыл каменной массой. Только желваки бегают. Ночной мороз заполняет долину реки ощутимо колючими волнами. Здесь, на льду, ни единой щепочки для костра.

— Если не выскочим, замерзнем ночью, Стрелец.

Он не отвечает. Пономаря уже не видно в синюющих горах. Пусто, холодно. Ватник — ненадежная защита против саянской ночи.

Неутомимый Казырчик хлюпает в промоинах. Ручейки перестают бежать со скалы, замерзают — закатное небо отражается в глянцевой стенке.

ПОЖАР В ТАЙГЕ

Несколько случайно найденных на льду прутиков, конских котяхов — вот и все наше «кострище». В течение десяти минут можно погреть руки, полюбоваться робким пламенем. А впереди — нескончаемая саянская ночь.

— Эге-гей! — кричу я скалам в тщетной надежде услышать чей-то отклик.

Горы возвращают мой крик бездушным, насмешливым эхом.

Стрельцов пристально глядит на костерик, и в глазах его прыгают огненные блики, будто трепещет какая-то зарождающаяся мысль.

— Выскочим, Михалев!

— Как?

Вместо ответа Стрельцов, скинув ватник и сапоги, лезет на скальную стенку. На небольшой высоте над нами, метрах в пяти, растет несколько невзрачных кривых березок. Они прицепились к выступу и держатся каким-то чудом.

Взобравшись на выступ и вцепившись пальцами в расщелину, Володька достает охотничий нож.

Ему трудно удерживаться на скользких камнях.
Я кидаю ему пояс.

— Пристрахуйся как-нибудь к выступу!

Стрельцов срезает березки. Прошелестев ветвями, они плюхаются на лед.

Солнце давно село за дальними горами. Потрескивают наверху лиственницы, атакованные холодом.

Володька, тяжело дыша, спускается со скалы, вытирает кровоточащие руки о ватник.

— Давай намораживать переправу, Михалев!

Он перебрасывает березки через Казырчик — вершинки падают на плотный заберег. Чахлые стволы прогибаются, приникают к потоку. Конечно, по такой переправе не пройдешь: с первого же шага утянет Казырчик. Но у Стрельцова другой план.

Шапками мы черпаем воду и льем на тонкий березовый мосток. Мороз усиливается, и через полчаса пальцы уже заходятся от холода. Шапки, обросшие корочкой льда, тяжелеют и позванивают, как ведра.

— Только не останавливаться, Михалев!

Жерди разбухают, покрываются льдом и становятся толстыми и твердыми, как стальные брусья. Пленочка льда уже тянется от одной жерди к другой, крепнет.

Рождается хлипкий мосток. Чем больше силы набирает мороз, тем быстрее растет переправа.

Нам некогда перемолвиться даже словом. Пальцы уже не шевелятся, скованные холодом.

Сгущается темнота.

— Можно проползти, пожалуй, — говорит

Стрельцов. — Я первый. Ты в случае чего держись за жерди, я прихвачу их.

— Ты тяжелей меня, Стрелец. Я пойду...

Медленно, всем телом прикинув к шаткому ледяному мостику, я перебираюсь на прочный заберег.

— Давай, Стрелец.

Жерди потрескивают под его крупным телом, мостик выгибается. Стрелец ползет, касаясь руками воды.

Наконец-то мы оба на прочном льду. Первые звезды появляются на небе. Нам еще около шести километров по снегу, через перевал.

— Возьми! — Стрельцов протягивает мне шарф. — Обвяжешься. Шапка-то ледяная.

— А ты?

— У меня носки шерстяные, кроме портянок. Как-нибудь прилажу... Давай скорее, надо выйти на след Пономаря, не то заблудимся.

Колеи от лыж Пономаря темнеют на снегу — словно две гигантские гусеницы проползли. Мы идем, согреваясь собственным движением. Лишь бы без остановки выбраться к зимовью. Там мы найдем железную печурку, чайник...

Мороз заползает под ватник. Оттепель не властна сибирской ночью.

Уже близ перевала, на стылом горном ветру, меня прохватывает резкий, надсадный кашель. Стрелец ждет, пока пройдет приступ.

— Постарайся потише, — говорит он вполголоса. — Пономарь, может, нас ждет. Для него закон — тайга.

«Закон — тайга»... Мало ли здесь в Саянах, расщелин, куда можно сбросить тела? Весной ручьями вынесет в Казырчик, перемелет о камни — ищи-свищи.

Звезды совершают над нами свой медленный круговой путь. Горы тихи, белеют во тьме неясными громадами. Ни огонька, ни человека.

Стрельцов останавливается. Я натыкаюсь на

него. Мы тяжело дышим, измученные борьбой с крутизной и снегом.

— След потерял, — шепчет Володька.

Ощупью стараемся найти колею от лыж. Пальцы хватают твердый наст. Неужели заблудились?

Где-то под нами расстилается лесное море. Всего лишь в каких-нибудь двух-трех километрах — зимовье.

— Приехали, — говорит Стрельцов. — Придется огонь разводить, однако.

Он, как всегда, спокоен и нетороплив.

И тут внизу, среди тайги, показывается алое пятнышко. Чей-то костер? Пламя растет, языки его уже достигают вершин далеких лиственниц. Что-то уж слишком могучий огонь для охотничьего костра.

Алые клубы дыма встают над тайгой, сыплются искры. Это немой пожар. Ни звука не долетает до нас.

— Пономарево зимовье горит! — спохватывается Володька. — Айда быстрее!

Мы идем по тайге, держа направление на пожар, как на маяк. Несколько перепуганных ночных птиц взмывают над головой.

— Ну, молодец, ну, молодец, — шепчет Стрельцов. — Пospel-таки, пospel...

Теперь до нас долетает треск и гул пожара. Смердные, густые облака копоти поднимаются высоко над деревьями. Удушливый тяжелый запах плывет по тайге.

— Да ведь это резина горит! — я хватаю Стрельца за руку, останавливаюсь, заглатывая воздух. В одну секунду до меня доходит смысл

последней строчки в Жоркином блокноте: «Покрышки. Роль П. 46-я».

— Покрышки горят, Стрелец! Пономарь отвез их на зимовье тогда, в апреле, с последним зимником, чтоб припрятать до поры. А Жорка видел или догадался... Ты понимаешь, Стрелец?

— Погоди, — мрачно отвечает Володька. Дым клубится над горящим зимовьем, поднимаясь на огромную высоту. Искры сыплются сверху, как на фейерверке. — Сколько же здесь этих покрышек! Небось не один десяток! Это даже не воровство, это похуже...

— Володька, завтра же, с рассветом, вызовем следователя, слышишь?

— Не спеши, — все так же угрюмо отвечает Стрельцов. — На этом мы их не поймаем. Подумаешь, горелая резина... Раньше надо было прийти.

Через полчаса мы выходим к пожарищу. Зимовье догорает. Языки пламени бродят над грудой золы. Окрестные лиственницы тянут к черному пятну обгоревшие сучья, будто указывают на место преступления. На много метров вокруг снег темен от жирной копоты.

— Подожди, не выходи, — предупреждает Стрельцов.

Мы оглядываем поляну, озаренную красным светом. Никого.

— Ушел, — говорит Стрельцов. — Чисто сработано.

Заслонившись рукой, он подходит ближе к огню и, нагнувшись, достает какой-то бесформенный черный кусок.

— Смотри, была по-
крышка... А я в прошлом
году машину побил из-за
лысой резины. Каждый
год переплачиваем... А
они вон где...

Нестерпимым жаром
пышут уголья.

— Погрелись, — мрач-
но изрекает Стрелец. —
Эх, нам бы пораньше,
застали бы его на месте.

— Все равно: мы те-
перь знаем. Он испугал-
ся нас, решил сжечь...
На машине-то сюда не
пробраться после метели.

— Ну и что — зна-
ем? Резина без остатка
горит: докажи теперь, но-
вые они были или не
новые. Скажет, что ста-
рые покрышки свозил.

— Но ведь на автоба-
зе можно проверить. Не-
достача должна обнару-
житься.

— Попробуем... Одна-
ко дело-то вовсе не в од-
них покрышках. Нужно
с Жоркой разобраться
прежде всего. Иначе мы
их только распугаем.

— Теперь ты видишь, что Жорка погиб не случайно? Он ездил с Пономарем сюда, он знал об этих покрывках!

Последние черные клубы вырываются из пожара. Огонь на минуту оживает, чтобы доесть остатки пищи. Лес темнеет.

«ПЕТЮКОВСКИЙ ОБГОН»

Главинж радушно встречает меня в своем тесном кабинетике.

— А, Михалев! Заходи. Как осваиваешься на новом месте? Не нужно ли чего? Говори прямо — поможем...

Рыхлое лицо Костюкова источает благодушие. Для руководителя такого сложного, требующего высокой дисциплины хозяйства он кажется слишком мягким, податливым. Не удивительно, что такие «жуки», как Пономарь, вольготно чувствуют себя в этой атмосфере всепрощения. Но я ему задам задачу.

— У нас на базе очень трудно с резиной...

— Да-да, — с готовностью подхватывает Костюков. — Имеются тут серьезные недостатки в снабжении. Это верно. У тебя, что покрывки уже сносились?

— Я не о себе в данном случае. Вот посмотрите на кое-какие цифры...

Стрельцов с ребятами из «Комсомольского прожектора» — Лауринайтисом и Паламарчуком, после тщательной проверки приготовил для меня этот список, который должен ошеломить Костюкова.

— В этом году автобаза получила двести де-

сять пар покрышек. А шоферам было роздано сто семьдесят пар. На складе сейчас ни одного комплекта резины. Сорок покрышек исчезли неизвестно куда...

— Дай-ка твою бумагу. Так-так...

Я ожидаю, что он разразится громом и молнией в адрес ротозеев. Но лицо его принимает плаксивое, даже обиженное выражение. «Ну, вот, опять неприятности, недоразумения. Нельзя ли без них...»

— Нашим шоферам нередко приходится приобретать резину на «черном рынке», — продолжаю я. — Платить по меньшей мере тридцатку за каждую покрышку. Из своего кармана. А что поделаешь? Ездить нужно, иначе без заработка останешься...

— Да-да, это все очень печально, — соглашается Костюков. — Временные трудности. Ну, а с недостающими комплектами мы разберемся.

— Это еще не все.

Я рассказываю ему о пожаре на зимовье, принадлежавшем Пономарю. Лицо главинжа багровеет.

— Обязательно займемся, Михалев. Обязательно. А ты уверен, что это покрышки сгорели?

— Да.

— Новые?

— Ни одной покрышки не осталось на пожарище.

— Да... Ну, спасибо тебе, Михалев. Вот так и нужно — бдительность и еще раз бдительность. Подобных фактов мы не должны оставлять без внимания.

От Костюкова я уйду успокоенный. Кажется, мне удалось расшевелить благодушного главинжа: хочется ему этого или нет, а клубочек начнет распутываться, не остановишь. Но Стрельцов прав: даже если нам удастся уличить Пономаря, это еще далеко не все. Завесу над тайной катастрофы мы так и не откроем, и, может быть, подлинные виновники останутся в тени...

Только в Наволочном я смог бы найти разгадку. Диспетчерский журнал молчит... Но ведь можно попытаться найти свидетелей.

Тягач терпеливо ожидает меня у ворот автобазы. Оглянувшись, я вижу в окне второго этажа конторки — белым пятном — лицо Костюкова... Скорей в Наволочное.

До самой метеостанции еду, не давая себе ни одной минуты отдыха. Машину я оставляю, как всегда, на мосту. Мороз такой, что потрескивают доски под колесами.

Лунной белизны солнце окружено ореолом. Над горами, растворяясь в высоких и легких облаках, мерцает радуга.

У метеостанции меня встречает маленький Васька.

— Ты похож на Деда Мороза, — говорит он.

Я выкладываю на стол желтые, отливающие перламутром круги мороженого молока, каменные ломти мяса и золотистые мягкие апельсины, гревшиеся за пазухой.

— Спасибо, — просто говорит Таня. — Здесь все это трудно достать. А Ваське нужно.

Жорка по-прежнему остается между мной и Таней. Наверно, поэтому мы можем говорить непри-

нужденно и естественно, как будто знакомы долгие годы...

Так мне хочется думать.

Таня наклоняется над Васькой, и я чувствую, как пахнут ее схваченные лентой темные волосы.

— Ты бы приехала на Новый год в Козинск, — говорю я. — Мы молодежное кафе отстроим. Небольшая, правда, избушка, но все же... Чисто, культурно.

— А метеосводки кто будет давать?

Электроорган из-за матерчатой шторки приемника расплескивает печальную мелодию. Она долетела сюда через перевалы из большого города. Там парни встречаются с девушками, надев вечерние костюмы и повязав галстуки. А на мне потертая стеганка, и в моем распоряжении полчаса. И снова будут прыгать горы в стекле кабины и за спиной будут гроыхать бочки с солидолом.

— Слушай, что ты обо мне заботаешься? — спрашивает Таня с упреком. — Расскажи, что там у тебя... Думаешь, я не знаю про твои стычки с Пономарем?

— У меня все в порядке.

Она смотрит с укоризной: «Скрываешь!»

— Петюк заезжал... Говорит, чтобы ты опасался Пономаря.

— Петюк в роли доброжелателя!

— Мне показалось, он говорит искренне. Вася, может быть, я могу тебе в чем-нибудь помочь?

— Не надо.

— Почему вы все меня бережете?

Там, на мосту, мой грузовик, как застывший конь. Пора. Уеду — а потом опять буду думать

о тех минутах, когда снова останавливаю свой тягач на мосту и постучу в обитую войлоком дверь.

Мы же друзья. Только друзья.

Таня решительно надевает полушубок.

— Ты куда?

— Отведу Ваську к соседям и поеду с тобой. В Наволочное. Успею вернуться завтра... Не смотри на меня так. Я знаю про твой разговор с диспетчером в Наволочном. Стрельцов рассказал...

Она не дает мне вставить хоть одно слово.

— И не отговаривай. В Наволочном у меня подруга. Она помогает Полунчику.

— Такая пухленькая белобровая девушка?

— Да, Гутя. Она поможет. Я сделаю это лучше, чем ты или Стрельцов.

...Грохочут, подпрыгивая, бочки на прицепе, мотор монотонно гудит.

С лиственниц, кружась, медленно падают хлопья инея. Сухой туман застилает долины. Иногда гулкий удар разносится по горам — это треснула разорванная морозом лиственница.

У перевала Ясного меня догоняет Петюк. В боковое зеркальце вижу знаменитый ярко-красный чехол на капоте. Берегись тракт, Петюк едет!

Он долго идет за мной, не решаясь на рывок. Здесь, на склонах Ясного, повороты за поворотом.

Таня прикорнула в углу кабины, не замечает ничего.

Я прибавляю газу. Красный нос ЗИЛа неотступно прыгает в дрожащем зеркале. Говорят, красный цвет самый раздражающий. Недаром быков дразнят красным.

Снег, выпавший за последние дни, сметен на

обочины. Машина идет в коридоре из сугробов, ровно подрезанных челюстями снегоочистительных агрегатов.

Тракт, суженный снежными стенками, петляет без конца. Обгон здесь воспрещен. Я пропустил бы идущий следом тягач, чтобы только не видеть надоедливый чехол. Но Петюк и сам не намерен вырываться.

На коротком ровном участке дороги ухожу вперед. Куски льда и камни лупят в жестяные крылья.

Громыхает под колесами мостик.

И здесь Петюк, раскатившись и используя инерцию, начинает обгон.

Он выбрал самое неудачное место. Я уже не могу притормозить, а выступающая скала закрывает обзор.

Не сигналив, Петюк выходит вперед, и в зеркальце уже не красный радиатор, а дверца кабины и угол будки. Начинаю притормаживать — поздно. Из-за скалы навстречу выскакивает бензовоз. За ним вьется облако белой пыли, лучи солнца переливаются в снежных кристаллах.

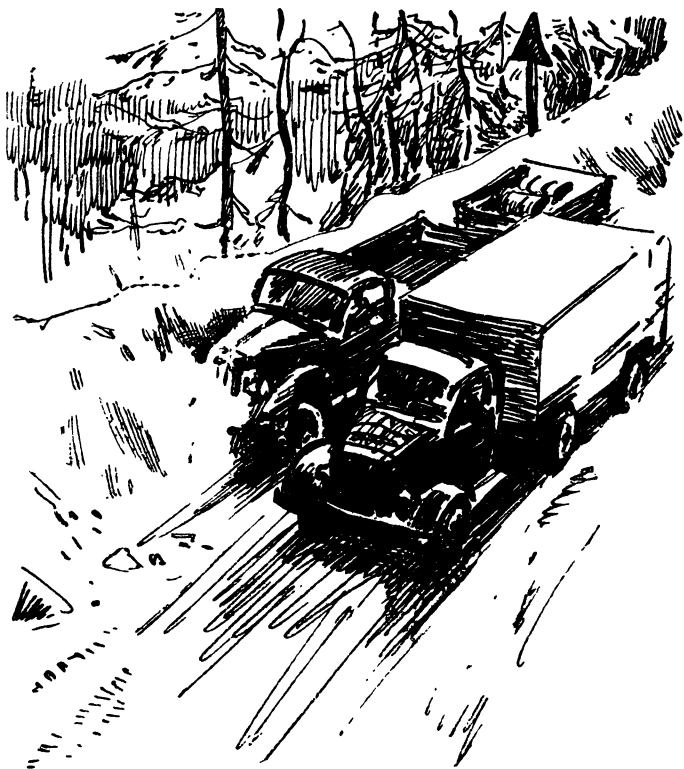
Петюк должен отстать и уйти, спрятаться за мой прицеп. Ни мне, ни встречному не затормозить на скользкой дороге.

Но Петюк не хочет уступать. Он идет уже вровень со мной — кабина в кабину. В замороженном боковом стекле я не вижу его лица.

Таня по-прежнему не замечает разыгравшейся на тракте сцены.

Вот он, петюковский обгон. Петюк слегка выворачивает руль и прижимает край будки к моему

левому крылу. «Будке-то что сделается? Ну, поцарапаю... А шоферу за крыло придется платить! Сразу отстанет, коли не дурак». Так он объяснял свою тактику в нашем первом рейсе по тракту.

Слышно сквозь рев двух двигателей, как скрежест, разрываясь, крыло. Я даю руля вправо и нажимаю на тормоза.

— Держись, Таня!

К счастью, машину не заносит. Буфер ударяет в снежную плотно утрамбованную стенку. Потом тягач подскакивает, колесо залетает в скрытый под сугробом кювет, и машина останавливается.

Я выскакиваю. Бензовоз проносится, толкнув меня волной теплого воздуха. Петюк уже далеко впереди.

Все это длилось, наверно, не больше десятка секунд.

— Что случилось? — испуганно спрашивает Таня.

Я показываю на удаляющееся облачко снежной пыли.

— Петюк проехал!

Крыло смято и порвано. Белая металлическая мякоть поблескивает из-под слетевшей краски. И машину без посторонней помощи из кювета не вытянуть.

Ну ладно, посчитаемся, чемпион!

Рядом тормозит зил. Я вижу озабоченное лицо Володи Стрельцова. Он выехал следом за мной из Козинска — такой уж у нас теперь уговор: стараться быть поближе друг к другу.

— Вот, — говорю я, похлопывая крыло и стараясь скрыть kloчущую во мне злобу. — Машина в дым, экипаж невредим.

— Кто, Петюк? Он меня тоже чуть не сбросил в кювет.

Мы заводим буксирный трос.

— Попробуем догнать Петюка, — говорит Володька.

— Догонишь его!

— Попробуем. Жми на всю железку.

Мы вытаскиваем застрявший тягач, и я вновь сажусь за руль. Что ж, попробуем догнать. Нельзя, чтобы такие, как Петюк и Пономарь, хозяйничали на тракте, не боясь отпора.

Тракт летит под колеса, мелькают столбы...

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Съеденный, ущербный лунный ломоть повисает над темными вершинами.

Боковое зеркальце вспыхивает солнечным зайчиком: Стрелец упрямо держится сзади.

В темноте мы въезжаем в Колонки, последнюю деревушку перед Наволочным. Машины сгрудились у заезжей избы, как овцы в загоне. Сразу узнаю машину Петюка — она стоит в стороне от остальных, в удобном для съезда месте.

— Ты подожди в кабине, Таня.

Коридор заезжей заставлен столами и лавками, у самовара сгрудились шоферы. Петюк рассказывает что-то, смеясь и размахивая пустой чашкой. Транзистор его стоит на столе среди раскрытых консервных банок.

Беру Петюка за отвороты кожаной курточки. Меня уже не остановить.словно катишься куда-то с горы все быстрее и быстрее.

Близко вижу глаза Петюка. Они все еще про-

должают смеяться, по инерции, но тут же гаснут и становятся прищуренно-злыми.

— Ты чего? — спрашивает он.

— Выйдем — объясню.

Все вокруг исчезает, и я вижу перед собой только Петюка, только его одного.

— Постой...

Сильные руки хватают меня и моего противника.

Стрельцов не дает мне высвободиться.

— Не так мы с ним будем говорить, Михалев.

Когда Стрельцов придерживает, тут уже не вырвешься. Он, Стрелец, легковушку за буфер поднимает.

— Нервный сильно, — объясняет Петюк в надежде на сочувственный смех. — Из кювета выскочил.

— Молчал бы! — говорит Стрельцов. — Ты ему машину попортил.

Он громко рассказывает, как Петюк пошел на запрещенный обгон и загнал меня в кювет.

— Врет он все небось, — это подает голос Гиря.

— Я вру? — вскипает Володька. — По-твоему, я способен?

— Верно, — поддерживают его шоферы. — Стрелец никогда не врет.

— У Петюка такое не первый раз...

— Да ну вас всех, — Петюк машет рукой, и пренебрежительная улыбка появляется на его лице. — Завидуете, что я больше всех зарабатываю. А сами попр...

Он неожиданно осекается. На пороге стоит Та-

ня. Привлеченная шумом, громкими голосами, она незаметно вошла в заезжую.

Краска постепенно заливает худощавое лицо Петюка. Никогда не думал, что он может краснеть.

Он молча, искоса поглядывая на Таню, выслушивает все то, что говорят ему ребята, собравшиеся в заезжей. А им есть что сказать.

— Единоличник... Что он, об государстве думает? Он о себе думает.

— Хочет только за счет других ездить. Четвертую машину меняет... Я на старой таратайке езжу шесть лет, ремонтом замучился.

— У него разве душа о людях болит?.. У таких только свой мозоль болит.

— Липовый ударник. У Костюкова на готовеньком. Готов на все пойти, лишь бы урвать побольше да вылезти в князя...

Стрельцов делает жест рукой — будто подводит черту.

— Ясно, ребята. Ты мне скажи, Петюк. Ты товарищам-шоферам когда-нибудь помогал в дороге?

Петюк молчит. Таня по-прежнему стоит на пороге, наблюдая за нами.

— Я у него попросил буксира, — говорит Паламарчук. — Он сказал: «Я не аварийная служба».

— Ясно. Ну, а кто из вас помогал Петюку? — спрашивает Стрельцов.

А кто не выручал Петюка? Тракт есть тракт. Как ни торопишься, а человеку надо подсобить. Такой закон.

— Свечи ему давал...

— Масляный насос.

И пошло. И пошло... Фильтр... Аккумулятор... Сателлиты... Щетки... Колесо... Полуось...

— Ну, а теперь посмотрим, Петюк, на чем бы ты ездил, если б не мы. Айда к машине, хлопцы!

Шоферы гурьбой высыпают на улицу. Петюк покорно идет вместе с нами. Неужели так тяжела для него ноша стыда перед Таней?

— Пусть каждый возьмет с машины, что давал, — говорит Стрельцов.

Притихшая деревушка наполняется голосами. Кто-то включает фары. Горы уходят далеко за темную завесу, и только одна машина Петюка поблескивает под лучами.

Паламарчук возится под открытым капотом, свинчивая генератор. Кто-то домкратит колесо. У шоферов озорные, веселые глаза.

Петюк стоит, сжав кулаки. Много накопилось у него неоплаченных долгов.

— На землю не кладите, — говорит Петюк. — Песок!

Сморщившись, он снимает знаменитую кожаную курточку... Все-таки шоферская у него душа.

Генератор, весь в масле, ложится на куртку. Потом свечи, ремень и, наконец, тяжелая полуось. Петюк стоит в одной ковбойке, на морозе, и над ним поднимается пар. Услужливый Гирия набрасывает на него телогрейку.

— Отскочи! — в сердцах говорит ему Петюк.

— Ну, хватит! — Стрельцов уже с жалостью глядит на машину. — Петюк! Ставь добро на место: давно ты не возился с машиной. И пока будешь ставить, думай...

Ребята один за другим входят в избу. Гаснут

фары, и снова белые горы возвращаются на место.

Только сейчас разгоряченный Стрелец здоровается с Таней. Мы смотрим в окно: Петюк, склонив голову, стоит над грудой деталей, не зная, с чего начать.

— А знаешь что, Михалев? — Стрельцов не сводит глаз с Петюка. — Он единственный человек, который может помочь в нашем деле.

— Петюк?

— Да, Петюк. Надо отколоть его от Пономаря.

— Ты думаешь, это возможно?..

— Ты посмотри, каков наш герой! — Паламарчук, усмехаясь, показывает Стрельцу замусоленную газету. — У Петюка под сиденьем завалилась.

Это районная газета «Знамя». Одна из заметок обедена красным карандашом. На мутно-серой фотографии с трудом можно узнать Петюка. Он стоит на подножке ЗИЛа, как на пьедестале, гордо всматривается в даль, приставив козырьком ладошку.

Заметка под снимком называется: «На горных дорогах». «С каждым днем увеличивается движение на дороге, связывающей Кадыр с Аксаем. Когда-то Козинский тракт считался гужевым. Не узнать старого тракта... На снимке вы видите одного из передовых водителей, Е. Петюка, которого недаром называют мастером скоростного вождения автомашин...»

Паламарчук вслух зачитывает заметку.

— Жаль, что не написали, как он добивается «скорости вождения», — замечает Володька.

— Постой, Стрелец!

Я вырываю у изумленного Паламарчука газету. Там, в самом начале заметки, взятые в скобки несколько слов: «Наволочное, 16 апреля».

— Снимок сделан в день аварии с Березовским, ты понял? В Наволочном! Значит, там был какой-то корреспондент. Может, у него сохранились какие-нибудь записи или снимки? И мы узнаем, кто проезжал вместе с Жоркой через перевал?

— Дело говоришь, — соглашается Стрельцов. Мое волнение передается ему. — Нужно узнать фамилию этого корреспондента.

— Это сможет сделать Таня. Она собирается заглянуть в Наволочное. Газета выходит в Кадыре, так что корреспондент наверняка живет там.

Я бережно складываю газету и прячу во внутренних карман рядом с шоферскими правами. Теперь надо будет постараться получить путевой лист в Кадыр. Если бы неожиданная находка, сделанная Паламарчуком, помогла в наших поисках! Это было бы редкой удачей.

Вкрадчивый голос Гири произносит за спиной:

— Стрелец! Свои порядки на тракте наводишь? Стрельцов оборачивается.

— Не свои порядки, а советские. Честные. Понял?

Гири качает арбузно-круглой головой.

— Ой, смотри! У Петюка всюду своя рука найдется.

— А это что — не руки? — Стрелец со стуком кладет на стол чугунные ладони, темные, за дубевшие от ветров и морозов. — Не руки?

Гири отшатывается.

— Ну, руки.

УЛЬТИМАТУМ ПОНОМАРЯ

В шесть утра пронзительно верещит будильник. В избе пусто — Стрельцов выехал в рейс, а его «старики» в тайге, на зимнем промысле. Окна заполнены густой синевой декабрьской ночи. Движок на электростанции еще не включили, и я торопливо одеваюсь в темноте. Предстоит долгожданный рейс в Кадыр.

Тане удалось узнать, что в день аварии в Наволочное приезжал корреспондент Сухоногов. Гутя, девушка из диспетчерской, хорошо запомнила его фамилию, потому что рассеянный корреспондент забыл у них экспонометр, и его пришлось догонять...

Морозный воздух вдруг врывается в избу. Скрипит дверная петля. Чиркаю спичкой.

— Кто там?

— Это я, Пономарь. Потолковать надо.

В темной избе видно лишь массивное тело, заполнившее весь закуток. Иногда автомобильные фары, проникающие сквозь ставню, освещают его глаза.

— Говори, Пономарь.

— Я тебе для начала о себе расскажу, Михалев. Чтоб ты понял кое-что из моей жизни. Не скрою, приехал я в Козинск голытьба голытьбой. Не скрою, имел три года отсидки и вышел, чужаясь людей и будучи не у места, ты понял?

— Вполне.

— Теперь имею приличный дом, родителей выписавши... И хозяйство имею, и заработок, и жизнь я имею легкую, материально свободную. Ты понял?

— Нет.

— Я к тому, что за все это я вплоть до зубов воевать буду. Страшно я за это воевать буду, Михалев. Ты поймей в виду... Ты мне объясни: что те-

бе надо? Что ты копаешь? В дружбе-помощи тебе не отказывали. Напротив, решено было, поскольку ты приехал тоже пострадавший от жизни, не имея ни кола, ни двора, помочь с новой машиной, дать тебе надежную баранку, чтобы заработок имел приличный. Ну и чтобы своих не забывал, держался поближе... Мы ж с тобой работаги, знаем, почем фунт лиха. Должны друг друга понимать на полслово...

Жорка тоже говорил о себе: «работяга». И лиха он хлебнул в жизни больше, чем этот губастый, самодовольный тип. Только в слово это, «работяга», Жорка вкладывал совсем другой смысл. Не прибеднялся, не жаловался. Напротив.

— Вот ты получил хорошую машину, умница. Петюку хоть спасибо сказал? Петюк, может, за эту машину из своего кармана расплатился...

— С кем расплатился?

— Эх ты... зеленая голова. Учти, Михалев: будешь жить по-человечески, займешь, что положено. Пойдешь против Пономаря — сломаешь башку. Ты уже понял, что я парень не промах, на мякине не проведешь. Но в случае необходимости и на крайнюю меру решусь, учти!

«Жить по-человечески». Это он говорит после того, что произошло с Жоркой.

— Думаешь, Пономарь, если с покрышками замел, на этом дело кончится, да?

— На что ты намекаешь, Михалев? Диспетчерский журнал тебя волнует? Случай с Березовским? Я знаю твои планы, от меня не схоронишься... Так на то было следствие, оно разобралось. Если хочешь, бумаги покажу, со свидетельскими подписа-

ми: проезжал я через Наволочное раньше Березовского. Ничего не видел и не знаю.

— А в «сорок шестую» ты с ним не ездил в начале апреля?

— Ездил... Ну и что? Эх, Михалев, — почти ласково говорит Пономарь. — Не знаешь законов нашей жизни. Тут, за Гнилым хребтом, село такое есть Афанасьевка. Человек там жил — Афанасьич. Могутный мужик. Навел он у себя в селе порядочек. Подобрал дюжину удалцов — команду, значит... Всех в страхе держал. Оброк брал даже со двора. Пробовали мужички убегать, чтоб донести куда следует. Дорога длинная, горы. Ни один не успел уйти. Разве что до первой проруби.

— Давно это было, Пономарь?

— Давненько. Но старики помнят... На краю света чего не бывает, Михалев. Закон — тайга.

Снова луч от фары падает на лицо Пономаря. «А ведь он боится, — мелькает у меня мысль. — Тогда, у чайной, он вел себя нагло и шел напролом. Сейчас он знает, что я не один. Боится — потому и старается запугать».

— Зря стараешься на психику давить, Пономарь. Ничего не выйдет.

— Ну и у тебя ничего не выйдет, учти.

Он поднимается с табуретки.

— Уезжай лучше отсюда, пока цел. Не связывайся со мной, по-доброму говорю.

— Когда ты добрым стал?

Мне ненавистна эта массивная туша, я знаю, сердцем чувствую, что передо мной виновник Жоркиной гибели. Тупой, злобный, самоуверенный.

И в темноте я словно вижу низкий, покатый лоб, маленькие, настороженные глазки. У нас с ним нет и не может быть ничего общего. «По-доброму»!

— Я все сказал, Михалев! Чего хочешь, до того не докопаешься. А шею сломишь.

— Давай проваливай отсюда...

Я знаю — здесь, в доме, он не решится напасть на меня. Он хитер, изворотлив, он подождет, пока можно будет действовать наверняка и замести следы.

— А машина у тебя была хорошая, — бросает он на прощанье загадочную фразу.

Через четверть часа, выводя свой тягач с базы, я тщательно осматриваю тормоза и рулевое управление: с Пономарем держи ухо востро. Смысл его последней угрозы не дает мне покоя. Но уже вскоре, разогнав как следует грузовик, я забываю об ультиматуме Пономаря — дорога хорошая, машина ведет себя послушно, и впереди у меня встреча с корреспондентом, по фамилии Сухоногов.

Мелькают кузова обгоняемых машин. Вверх-вниз, вверх-вниз. Горы вращаются, прыгают, кланяются.

НЕГАТИВ КОРРЕСПОНДЕНТА СУХОНОГОВА

В Кадыр въезжаю с первым зажженным фонарем. После деревянных изб Козинска райцентр кажется значительным городом. Вывески, магазины, фонари.

Редакция районной газеты уже закрыта, но сто-

рож в тулупе подсказывает, где найти Сухоногова. На лестничной площадке я смущенно отряхиваю от снежной пыли свой выдавший виды шоферский полушубок. С чего начать разговор?

Мне открывает девочка-подросток.

— Наконец-то он явился! — провозглашает она. — Идите скорее, мы вас ждем.

Комната залита темной, дымящейся водой, окутана паром. Из этого пара навстречу мне выходит долговязый человек, весьма растерянный.

— Понимаете, батарея потекла...

— Вы корреспондент Сухоногов?

— Я.

«Это очень удачно, что потекла батарея», — решаю я.

Спустившись к машине, я достаю инструменты, паклю. Вскоре авария ликвидирована.

Между мной и корреспондентом устанавливаются «теплые дружеские отношения».

— Не знаю, как вас благодарить...

— Не надо благодарить. Дело в том, что я не водопроводчик. Я приехал к вам из Козинска.

— Ага... — невразумительно отвечает Сухоногов.

— Дело мое такое... В апреле этого года вы были в Наволочном. Снимали наших шоферов. Говорят, вы долго там работали. И вот теперь мне надо установить, в какой очередности проезжали в тот день шоферы. Понимаете?

Близорукие глаза Сухоногова все еще выражают растерянность.

— Не понимаю.

— Ну, словом, у вас, может, сохранились записи того дня... Может быть, снимки, негативы?

— Наволочное, Наволочное... — повторяет корреспондент. — Что-то не упомяну. Память стала... Знаете, все некогда, работа.

Я подаю ему газету с заметкой «На горных дорогах».

Корреспондент разглядывает снимок.

— Знаете, я рассеянный человек, — доверительно сообщает он. — Недавно дал снимок в газету с соревнования гимнастов. Написал: «Спортсмен делает стойку». А потом уже выяснилось, что он на кольцах висел, просто я карточку перевернул и получилось, как будто стойка.

Неужели рейс в Кадыр окажется напрасным?

— Тогда как раз началось строительство рудника в Аксае, — напоминаю я. — Вы остановились у Гути и забыли там экспанометр...

— Вспомнил! — хватается за голову Сухоногов. — Ну конечно... Я провел там целый день, хотел сделать репортаж о шоферах на две полосы... «День большого тракта». Но журналистское дело такое: «зарезали» репортаж. Подождите, я порожусь в апрельских пленках.

Он выдвигает ящики, черные пленки змеями вьются по полу, скачут. Это длится полчаса или больше.

— Услуга за услугу... Обязательно найду, подождите.

Наконец Сухоногов достает истерзанный конвертик с пленками.

Мы смотрим пленку на свет. Негативы передержаны, затемнены, и это мешает нам разглядеть лица.

— Знаете что? — предлагает корреспондент. —

Давайте я сделаю контрольные отпечатки с пленки. Пойдемте в «лабораторию».

Ванная комната уставлена увеличителями и склянками. Красный фонарь выхватывает из темноты лишь руки и лица.

— Только вы проявляйте по порядку, — прошу я. — Всю пленку от начала.

В лужице проявителя происходит таинственный процесс возрождения прошлого. Шестнадцатое апреля. Снег еще лежит на горах. Пик Саб-Ола выглядывает из-за хребта. Тракт поблескивает под солнцем.

Бородатый Матвеич испуганно уставился в объектив, в руке у него путевой лист. Так, все правильно. Матвеич проезжал Наволочное утром, за час или два до того, как у диспетчерской появился Жорка.

Еще несколько шоферов. Ни Пономаря, ни Петюка среди них нет.

Жорка. Он нагнулся, осматривая колесо, и повернул лицо к фотографу. Так, видимо, попросил Сухоногов. «Улыбнитесь». Жорка улыбается. А почему бы не улыбаться? День солнечный, веселый, скоро он должен быть в Аксае, а там — обратная дорога, метеостанция у моста. Таня.

Спустившись в теплые долины, он остановится, нарвет багульника — целую охапку. Смолистый аромат фиолетового сибирского чуда вытеснит запах бензина из кабины...

«Поедем в Саяны... Знаешь, как там здорово! Горы...» Я мог быть рядом с тобой в тот день, Жорка.

На следующем снимке — две машины с будка-

ми, стоящие рядом. Лица шоферов туманно белеют за стеклом.

Крупным планом: Петюк на подножке ЗИЛа. Он гордо всматривается в белые вершины, приставив козырьком ладошку. Этот снимок был в газете.

Потом — Пономарь. Без шапки. Короткий чубчик прикрывает лоб, глаза прищурены. Плечи распирают ватник. Руки по-хозяйски уверенно лежат на руле.

Еще чьи-то лица...

— Вы уверены, что в таком порядке они и ехали через Наволочное? — еще раз спрашиваю я.

— Я снимал всех подряд для репортажа. — Сухоногов листает замусоленный блокнотик. — Вот здесь записи: «Березовский, передовик, план — сто тридцать, с восемнадцати лет водителем. Петюк, выполнение плана двести процентов. Пономаренко, план сто сорок»... Знаете, я думал, это будет великолепный репортаж, на две полосы: «День тракта», во всех подробностях...

Значит, Петюк. После Наволочного он не мог обогнать Жорку. Там узкий тракт, там встречные машины расходятся, зарываясь в щебенку.

Петюк и Пономарь должны были видеть машину Жорки под откосом.

Они скрыли это во время следствия. Значит, Петюк... Он шел следом... Там, на вираже, достаточно было легкого толчка.

Петюк.

И все-таки мне не верится. Если бы я знал, что за Жоркой ехал Пономарь, то не колеблясь назвал бы имя преступника.

— Вы можете дать мне блокнот и пленки?

— Ну, разумеется. Я так вам обязан... Вы здорово справились с батареей...

Теперь назад в Наволочное. И пусть Петюк попробует отвертеться!

ЛЕДЯНАЯ КУПЕЛЬ

Оттепель мягко опускается на Козинск. Отчаянно носятся взбудораженные гуси.

Микроклимат. Там, за перевалом, у метеостанции, царствует холод, жестко сечет снежная крупа. «Райский у нас уголок, — вещала тетя Феня. — Арбузы, яблоки поспевают — чудо...»

Я въезжаю в «райский уголок», разбрызгивая мокрый снег.

У ворот автобазы — Дробыш, маленький механик, отдыхает на лавочке, щурится на солнце, как мартовский кот. Коротает обеденный перерыв.

— Привет, Дробыш. Петюка не видел?

— Петюка? — Механик сокрушенно мотает головой. — Да его вся автобаза разыскивает. Говорят, загулял чемпион. Машину оставил возле дома, а сам пропал где-то. А тебя Костюков тоже спрашивал, просил немедля зайти.

Главинж взволнованно распахивает по кабинету. Капельки пота на утином носу. Нервничает.

— Садись, Михалев.

В чем ему не откажешь, Костюкову, — в вежливости. Всегда человека усадит, папироской угостит.

— Мы разобрались с крышками, Михалев. Проверили, так сказать, твой «сигнал».

Перед главинжем на столе какие-то квитанции стопкой. Я подаюсь вперед.

— И что ж?

— Оказывается, все в порядке. Ложная тревога. Неужели и его сумели провести за нос?!

— Видишь ли, Михалев, нашлись эти «пропавшие» покрышки. У нас ведь, сам знаешь, резина снашивается быстро. В горах-то. Особенно у тех водителей, которые ходят в большегрузные рейсы на больших скоростях. Петюк, Пономаренко, Соломин... — Костюков щелкает костяшками на конторских счетах. — Вот и приходится преждевременно списывать резину. Посмотри акты. Все сорок покрышек, о которых ты говорил, тут.

Он подвигает стопку бумаг. Так, все правильно. Акты о списании. Подписи Петюка, Пономаря, Гири...

И впрямь — провели главинжа.

— В таком случае, что за покрышки сгорели возле «сорок шестой»?

— Старые... Я проверял: Пономаренко разрешили вывезти списанные покрышки на зимовье.

— Зачем они ему понадобились? Дров в тайге не хватает?

— Так ведь он страстный рыбак, этот Пономарь. На Кызырчике хариуса промысляет каждое лето. А из покрышек, сам понимаешь, отличные плоты получаются. Непотопляемые, легкие. И камней не боятся. Надо только камеры вставить... Ты никогда не рыбачил, Михалев?

Фирменная благодушная улыбочка вновь озаряет пухлое лицо Костюкова. Мол, поймешь, коли рыбак, маленькую человеческую слабость. Неужели

Костюков мог поверить этому фантастическому вымыслу ловкого Пономаря?

Но я не собираюсь сдаваться.

— В таком случае я вместе с ребятами из «прожектора» займусь этими покрывками.

— Согласен, Михалев, давай, — говорит главинж, радуясь тому, что может переложить на кого-то груз ответственности. — Контролируйте, дело хорошее.

Да, с этим добрячком каши не сварить. Придется действовать без его помощи. Я встаю.

— Ты порожняком прибыл из Кадыра? — спрашивает главинж.

— Порожняком.

— Давай-ка быстренько смотайся к геологам на Песью речку. Надо срочно забросить им полтонны сахара. Давай по-быстрому. Моментом. Дорогу знаешь? На восьмом километре свернешь на Хантарский зимник. И прямо дуй через Песью речку... там увидишь поселок.

Не понимаю, зачем главинжу потребовалось посылать меня на Песью речку, минуя диспетчерскую. Полтонны сахара для моего тягача не груз. Но приказ есть приказ. Надо выполнять.

До поселка Песья речка недалеко, километров двадцать по плохо укатанному, тряскому зимнику. Зимник накатали прямо по степи. К западу от Козинска горы неожиданно расступаются, и здесь, узкая и длинная, лежит ровная полоска солончаков.

Тягач, подвывая, бежит по зимнику. Снежная каша шипит под колесами, взлетает вверх. Время от времени попадаю в глубокие колеи, заполненные водой.

Побуксуешь, поработаешь лопатой — и дальше...

В кабину влетает сырой холодный воздух. Кусты карагайника, сухие, жесткие, торчат из-под снега. Кое-где пробиваются желтые стебли чия. И все — снег, снег, потемневший от тепла, ноздреватый. Справа и слева — горы.

Рюмы, «рогатые» жаворонки, скачут по зимнику, склевывая мерзлые конские котяхи, взлетают перед самыми колесами. Они сюда прилетают на зимовку, рюмы, из более холодных краев, с севера.

Дорога мне незнакомая, но, к счастью, развилки нет, заблудиться трудно.

У Песей речки зимник распадается на несколько съездов.

С пригорка разглядываю диковинную, дышащую паром речку. Над темнеющими полыньями стоят столбы густого пара. За рекой, километрах в трех, сам поселок, скрытый сопками и полоской густо-синей тайги.

Куда съезжать? По зимнику дня три или четыре уже никто не бегал, следы старые, присыпанные снегом. Ни одного свежего съезда.

В сторону не подашься — только здесь склон полого спускается к воде, а слева и справа обрывистый берег, острые зубцы камней.

Я подхожу к полынье. Вода теплая. Где-то неподалеку со дна реки бьют горячие ключи.

Срезаю тонкую хворостинку. В глубоких местах тише течение реки. А где вода течет тише — там и лед потолще. Это нехитрая шоферская грамота.

Наконец намечаю себе путь между двумя большими полыньями. Здесь лед как будто прочный. Если моя машина сумеет разогнаться как следует, то проскочит.

Резко отпускаю сцепление, и ЗИЛ ныряет вниз, к реке. Кромка льда все ближе.

Быстрее, еще быстрее! Мотор взывает, и скорость сразу же падает — колеса завертелись на мокром льду. Сбрасываю обороты и уже осторожнее пробираюсь между двумя столбами пара.

Треск! Задние колеса платформы-полуприцепа проваливаются. Прибавляю газу. Неужели не выскочу? Колеса царапают лед, крушат его и оседают все глубже.

Глохнет двигатель.

Машина заваливается в сторону и назад, слышен непрекращающийся глухой треск ломаемого льда.

Хоть бы на мелкое место выползти! Мотор бешено воет. Задние колеса вертятся уже в воде.

Выскакиваю на лед. ЗИЛ медленно проваливается, платформа коснулась воды.

Прыгаю на прицеп. Сахар бы только спасти! Сбрасываю брезент. Машина становится на дыбы, я скольжу, рушится лед под передком, и тягач с прицепом опускается всеми колесами на дно.

К счастью, металлические борта платформы торчат над водой. Но внутри кузова уже плещется вода.

Спеша, выбрасываю мешки. Они успели намокнуть. Машина, расталкивая галечник, продолжает медленно оседать и, наконец, останавливается.

...Все мешки лежат на льду. По ним расползаются темные пятна влаги. Вода в кабине капает черного обода руля.

Эх, черт! Хоть разревись с досады. Полтонны сахара загублено. С чем вернуться к Костюкову?

Только теперь чувствую холодное прикосно-

вание реки. В кузове вода вертится водоворотом, крутит какие-то щепки, обрывки веревок.

Если к вечеру вдруг ударит мороз, машина вмерзнет крепко. Нащупываю под водой буксирный трос. Надо немедленно прицепить его и бежать к геологам за помощью.

Передок весь скрылся в реке. Нырнув и придерживаясь рукой за буфер — не унесло бы течением, — я набрасываю петлю на крюк.

Вода жжет, ломит голову, берет в холодные тиски тело. Напор ощутимо плотен — будто кто рукой толкает под лед, силится оторвать от машины.

Кое-как выбираюсь на лед, выбрасываю трос на берег. Теперь, не останавливаясь, бежать по раскисшей дороге до поселка!

Одежда на ветру леденит тело, сапоги тяжело мокрым снегом. Три километра превращаются в марафонскую дистанцию. Сердце колотится в груди, скачет, ударяясь о ребра.

Вбежав в поселок геологов, у первого же дома вижу широкие гусеничные следы. Наверняка здесь тракторист живет.

Скуластый, смуглолицый парень помогает стащить набухшие сапоги. Наливает граненый стакан спирта: пей. Спирт огненным шаром вкатывается внутрь, наполняя каждую озябшую мышцу пламенем.

— В Сибири спирт первое лекарство, — смеется парень. — Ты откуда такой бешеный, однако? Рассказываю. Парень сердито фыркает:

— Как же ты сунулся, не зная броду? У нас в оттепель по ближнему зимнику никто не ездит:

на Песей речке горячие ключи подтачивают лед.

— Сказали так.

— Сказали? Какой дурак сказал? Все знают: если тепло ударило, езжай верхней дорогой, через горы.

Я стискиваю горячие виски ладонями. Так вот что ты за птица, Костюков! А я тебе верил. Удивлялся мягкотелости, добродушию. Оказывается, ты заодно с Пономарем. Теперь мне многое становится ясным. И это таинственное умение Петюка «организовать» новую машину. И «зеленая улица» для любимчиков, заботливо охраняемых главинжем. И результаты расследования по моему заявлению о покрывках.

Видно, любимчики, хватающие немалые барыши, не остаются перед тобой в долгу, главинж... Поздно я догадался. Теперь Костюков с полным основанием может уволить меня. И даже отдать под суд. Никто не сможет сказать, что он неправ.

А мне какая может быть вера? Аварийщик, никудышный шофер.

— Ну ладно, парень, сейчас вытащим, — утешает меня тракторист. — А завтра езжай в Кадыр, там пивоваренный заводик есть. Примут сахар... Все же легче будет выплачивать.

«ВЫСТРЕЛ ДУПЛЕТОМ»

Костюков полон сочувствия. Он хочет помочь водителю, попавшему в беду.

Без отдыха я гнал машину в Кадыр, на пивзавод и обратно. Голова кружится от усталости.

Рыхлой, студнеобразной массой Костюков прилип к письменному столу. Он заполняет весь кабинетик. Лицо его кажется огромным.

— Так, говоришь, сдал сахар, Михалев?

— Сдал. Семь копеек за килограмм.

Главинж бойко щелкает на счетах, как из пулемета стреляет. Шурит на меня глаза — будто целится. Удобная ты мишень, аварийщик Михалев.

— Значит, с тебя причитается еще четыреста пятнадцать целковых.

Счеты сияют цветными пластмассовыми кругляшками. Счеты — бездушный предмет.

— Ну, вот что, Михалев. Не хочу тебя обижать. Пиши заявление по собственному желанию и уезжай. А мы как-нибудь спишем этот сахарок...

Голос у Костюкова медоточивый, словно впитавший всю сладость загубленного сахара.

— Войди в положение: аварийщика я держать не могу. Тракт у нас отдаленный, опасный. Нужны проверенные ребята.

— Я никуда не поеду.

Добродушие уступает место начальственному гневу.

— В таком случае, сам понимаешь, придется с тебя потребовать. Через суд. Неприятный получится момент для твоей биографии. Ты еще молодой, только начинаешь жить. Езжай себе домой с богом, пока не передумал.

Я смотрю ему в глаза. Костюков отводит взгляд, поигрывает счетами.

— Вы знали, по какой дороге посылаете меня.

Я здесь недавно. А вы знали. И не сказали ничего.

— Нет, вы послушайте его! — Костюков обращается к плакатам на стенах, призывая их в свидетели неожиданного кощунства. — Так, по-твоему, я виновен в аварии? Ох, Михалев! Да разве можно, оправдывая себя, возводить клевету на другого? Кто тебе поверит, Михалев?

Он прав. Никто не поверит, и это будет справедливо. Мне следовало сразу раскусить подвох в этом задании. А сейчас я обезоружен.

— Подумай, Михалев. Даю тебе возможность уехать спокойно.

— Я останусь. У меня здесь много неоконченных дел.

— Каких дел?

Я не располагаю ни одним достаточно проверенным аргументом, чтобы прижать его к стенке и заставить отступить. Но все равно — сдаваться не собираюсь.

— Я не уеду.

— Хорошо. Не обижайся, если что. Да, стой, Михалев. А как у тебя вообще-то с моральным обликом? Я, правда, пока не занимался этим вопросом, но, говорят, ты каждый рейс на метеостанцию заезжаешь. Вместо того чтобы, понимаешь ли, опережать график...

Я выхожу, тихо прикрыв за собой дверь. Пусть знает, что меня не так-то легко вывести из себя.

В коридоре меня ждет встревоженный Стрельцов. Он только что вернулся из рейса.

— Мне все уже известно, Михалев! Ты не волнуйся. Деньги за сахар мы соберем.

— Разве в этом дело, Стрелец?

Я рассказываю ему о результатах поездки к корреспонденту. Володька морщит лоб, собираясь с мыслями. Тяжелодум, он должен сначала переварить этот ворох новостей.

— Так-так... Расчет у Костюкова тонкий. Хочет нас скомпрометировать. Ты знаешь, что меня тоже снимают с машины?

— Тебя?

— Ну да. За случай с Петюком. Тихонький главинж «статью» пришил: задержал, мол, лучшего водителя, дискредитация передовиков, грубая политическая ошибка... Такого наговорил — арестовывать впору. Теперь тебе все ясно? Костюков выстрелил дуплетом.

Ясно как нельзя более. Костюков, наверно, уже торжествует победу: заткнул нам рты. Теперьлюбое наше выступление он постарается расценить как клевету озлобленных нарушителей дисциплины. Он струсил, главинж, но не потерял способности изворачиваться и хитрить. А мы оказались простаками.

— Даже если мы накроем Пономаря, Костюков останется чистеньким. Ты понимаешь, Михалев? Нам необходима помощь Петюка. Я верю, что в глубине души он честный парень. Я ведь рос вместе с ним, знаю...

— Но он куда-то исчез.

— Приехал! С ним что-то неладное творится. Пьет запоем, работу бросил. Пропадал где-то у родичей...

— Я пойду к нему. Сейчас же.

ПЕТЮК СОБИРАЕТСЯ В ОТЪЕЗД

У Петюка приметный дом, с мезонином, с многочисленными пристройками. Петюк любит жить на широкую ногу и не скрывает этого.

Козинск помнит, как гордо, в открытом кузове, провез Петюк сверкающий лаком «Красный октябрь», на зависть директору клуба Фармакову, который пятый год тщетно добивается фортепьяно.

С тех пор, говорят, «Красный октябрь» одиноко стоит в горнице — играть некому. Но по праздникам, выпив, Петюк открывает окна и лупит по клавишам, чтобы было слышно в Козинске...

И сейчас, несмотря на мороз, окна открыты и фортепьяно жалобно отзывается на удары неловких пальцев.

Гуляет Петюк.

Скатерть сползла со стола, уставленного бутылками, в комнате ералаш, мать Петюка, прибирая с полу посуду, жалобно причитает.

Петюк мутными глазами рассматривает меня.

— Выйдите, маманя, на сестрину половину. Ко мне человек пришел. Садись, Михалев. Не брезгуй.

Сухое, крепкое лицо Петюка стало и вовсе изможденным, под скулами кожа запала, резко обозначились морщины.

Он назидательно тычет в потолок палец.

— Сказано есть: на Руси кто талант, тот не может, чтоб не пить. Так, Михалев?

Дрожащими руками наливает спирт в стаканы.

— Или я не талант? Или Петюк не первый шофер? Или уже кончился век Петюка? Нет. Пе-

тук — человек... Вот ты, Михалев. Друг ты, враг — все равно. Ты, сказали мне, подзалетел на полтонны сахара. Вот на!

Он долго ищет в кармане замусоленную сберкнижку, бросает ее на стол.

— Нужны тебе деньги? Отдаю... Петюк может. Всегда может выручить... А я с Козинском прощаюсь. Уезжаю с этих гор. Хватит. В Нером подаюсь, новую жизнь начинать.

Что это с ним стряслось? Глаза пьяны, но тоска в них неподдельная. Тонкие длинные пальцы едва держат стакан — вот-вот выскользнет.

— Я пришел, чтобы поговорить о Жорке Березовском.

Морозный воздух влетает в комнату сквозь распахнутое окно, холодит лицо. Пьяная муть мало-помалу слетает с его глаз.

— А ты все допытываешься?

— Он моим товарищем был, Петюк.

Он стискивает кулаки, как будто готовясь к броску, к борьбе не на жизнь, а на смерть. Но пальцы его постепенно разжимаются, бледнеют щеки.

— Не сталкивал я его, Михалев. Матерью клянусь, сестрой клянусь... Нет моей вины. Не трогал я его. Зря подозреваешь меня.

— Почему же молчал, когда следствие шло? Ты следом ехал, ты первым видел...

— Не ехал я следом!

Я раскладываю перед ним фотокарточки. Вот он, сам Петюк, горный ас, орел, всматривающийся в даль. Победитель Петюк.

— Корреспондент снимал, не помнишь? На

пленке все заснято по порядку. А это Жорка, перед тобой он выехал из Наволочного.

Петюк пристально разглядывает снимки. Лицо — как маска, застыло.

— Зачем старое ворошить, Михалев? Ты мне и так покою не даешь... Зачем приехал? Ничего не вернешь уже... Не я виновен, не я!

— Кто?

— Ничего не скажу. Не мучай. Только знай — не я. Матерью не стал бы клясться.

Он не врет. Я чувствую — не врет.

— Но кто, Петюк?

— Не скажу... Отпусти, Михалев. Не трожь душу. Я хочу все забыть. Уеду... Я с ней говорил... С Таней. И в ней нет веры ко мне. «Уходи, — говорит, — и не появляйся больше». За что, Михалев?

— Ты скажи — кто? Пономарь?

Этот нервный, измучивший себя парень — единственный человек, который может раскрыть загадку преступления. Стрельцов прав: без его помощи мы ничего не добьемся. Найденные у корреспондента негативы — это еще не улика. Явных доказательств причастности Пономаря и Костюкова к аварии у нас по-прежнему нет.

— Я не мести хочу, Петюк. Хочу, чтобы на тракте не было жулья. Жорка не успел этого сделать. Но я не один, ты знаешь. Мы своего добьемся.

— Я ничего не расскажу. Хочешь, иди в милицию, арестовывай...

Он смотрит поверх моей головы, и я вижу, как в глазах его вспыхивает ничем не прикрытая не-

нависть. Оглядываюсь, за моей спиной стоит Костюков, собственной персоной. Неслышно появился в дверях. Беспокоится, как бы не выдал его сообщник.

Пальцы Петюка тянутся к бутылке. Я перехватываю руку, Костюков отшатывается, заслоняется ладонью.

— Ну-ну, Петюк. Ну, что с тобой?

Голос его полон ласки и умиротворения.

— Ну, выпил лишнего. Бывает. Кто без греха?

Петюк вырывается и, опрокидывая бутылки, бросается к шефу, хватая за лацканы пиджака.

— Ты зачем пришел? Ты меня проведать пришел? За покупкой собрался?

Костюков отлетает к буфету. С жалобным звуком рушится горка хрусталя.

— Эй, успокойте его! — кричит Костюков, отступая в сени. — Белая горячка, ей-богу!.. Оса-танел!

На шум сбегается многочисленная родня. Петюк, хрипя, рвет на себе ворот рубахи.

— Ох ты ж, лишеньки! — причитает мать. — Да вы с ним осторожно, ребята, нервы же у него...

Я незаметно покидаю этот странный дом. Больше ничего не добиться от Петюка.

Костюков останавливает меня в сенях.

— Чего он болтал спьяна, Михалев?

— О водителе Березовском беседовали.

Все равно уж война объявлена.

Главинж бледнеет.

— Ты погоди, объясни! — кричит он вдогонку.

Улица встречает меня гулом автомобилей, во-

робыным криком, свежим хрустом снега. Над всем этим — равнодушные, как вечность, горы, придавившие маленький Козинск... Нет, нельзя отпускать Петюка, никак нельзя. Он больше не союзник Костюкова. Главинж это чувствует, иначе не примчался бы стремглав, чтобы пресечь наш разговор.

СРОЧНЫЙ РЕЙС

Стрельцов вихрем врывается в избу.

— Василий! Новость есть. Собирайся скорее.

На Володьке — замасленный комбинезон. С сегодняшнего дня он слесарь ремонтных мастерских, а я и вовсе не у дел. Костюков не стал терять времени. За «нанесение материального ущерба» меня ожидает судебная ответственность.

— Что еще стряслось, Стрелец?

Я уже привык к тому, что каждый день моей шоферской жизни в Козинске приносит неожиданности.

— Костюкову пришло срочное сообщение... Ты знаешь, — под Аксаем строится гидростанция. Так вот, туда надо турбины завозить. На обычную платформу их не поставишь, и нам срочно дают КРАЗ. Сегодня же надо ехать за первым тягачом. Ты стал бы работать на КРАЗе?

КРАЗ. Кременчугский дизельный тягач. Память услужливо подсказывает: двигатель в «двести лошадей», ширина почти три метра, вес двенадцать тонн. Машина, о которой можно только мечтать.

— Что ты меня разыгрываешь, Стрелец? Неужели Костюков даст мне КРАЗ?

— Чудак человек. Ты ведь у нас единственный шофер-дизелист, к тому же с опытом работы. Что остается делать Костюкову?

Мы пробегаем уставленный машинами двор. Мелькают чьи-то лица... КРАЗ! Первый тяжело-грузный рейс через Саяны. Неужели такая честь — мне?

— Не верю я в этот жест главинжа, Стрелец. Какой-то тут новый подвох.

Но Володька слишком обрадован известием, чтобы принимать всерьез хитроумие «благодарного» главинжа.

— Это единственная возможность вернуться на машину! Для тебя... и для меня... Ведь потребуются сменный водитель. Понимаешь? Ну, а потом мы уже сможем разговаривать с Костюковым на равных. И в автотресте на нас никто не будет смотреть, как на аварийщиков.

Стрельцов прав. Нельзя упускать этой возможности.

Одним махом перескакиваю ступеньки. В коридоре полно народу, нам со Стрельцовым предупредительно освобождают дорогу в кабинет к Костюкову.

Кто-то цепко хватается меня за рукав. Оглядываюсь — долговязый корреспондент Сухоногов щурит близорукие глаза.

— Товарищ, это вы! А я выяснял у главного инженера, что за водитель приезжал ко мне за старыми пленками. Хотел поблагодарить вас за ремонт батареи...

— Вы из-за меня приехали?

— Да нет, я по случаю перевозки турбины. Большое событие для тракта, не правда ли?

Значит, Костюков знает теперь о результатах моей поездки к корреспонденту. Тем более надо быть начеку. Стараясь уйти от грозящего ему разоблачения, главинж может решиться на отчаянный шаг... Но какой?

Костюков величавым жестом приглашает меня войти в кабинет. Перед ним лежит мое «Личное дело».

— Мы, Михалев, посоветовавшись с народом, решили доверить тебе КРАЗ. Ты, кажется, на Иркутской ГЭС работал на дизелях?

— Работал. На двадцатипятилитровом.

— Ну, а здесь оправдаешь доверие?

— Постараюсь.

— Так в добрый час. Подбери себе помощника, дорóга дальняя, трудная...

Костюков, предчувствуя мой выбор, смотрит на Стрельцова. Володька делает какое-то странное движение плечом: мол, ты сам волен решать, я же не требую. Но я знаю — для Стрельцова в эту минуту нет ничего желаннее, чем руль КРАЗа. Шофер понимает шофера без слов.

— Стрельцова, что ль? — спрашивает Костюков, словно желая поскорее закончить эту сцену.

Почему он так твердо намерен посадить нас со Стрельцом в одну кабину? Неожиданная вспышка филантропии? Как бы не так. Тут иной, не понятный мне расчет.

Петюк с безразличным видом прислонился к дверному косяку, покуривает в кулак. «Вы там ре-

шайте, а у меня чемоданы уже сложены». Вскоре ему покидать Козинск.

— Мне бы Петюка в помощь.

Шоферы недоуменно переглядываются.

— Петюк уезжает, — говорит Костюков. — Уже заявление мной подписано.

Кем бы он ни был, Петюк, но у него душа водителя. Он понимает, что такое первый рейс на тягеловозе в Саянах. Это равносильно открытию новой трассы. Такая возможность, пожалуй, и не встретится больше в жизни.

— Я съезжу, — говорит Петюк. — Съезжу.

Он и Костюков смотрят друг другу в глаза. Этот немой разговор продолжается недолго. Костюков сдается, опасаясь открытого бунта. Верно говорят, что ненадежный союзник опаснее врага.

— Ну, что ж, получайте документы на КРАЗ, — упавшим голосом говорит главинж. — Сегодня же отправляйтесь в Кадыр за машиной...

В окне я вижу: Стрельцов слоняется по двору между машин, похлопывая их по железным бочкам. Плечи опущены.

Через час я выбегаю во двор, но Володьки уже нигде нет. Известие о первом рейсе КРАЗа быстро распространяется по автобазе. Дробыш поздравляет меня.

— Рад за тебя, Михалев. Только будь осторожен — тракт не для таких машин.

Я и сам готов радоваться вместе с Дробышем, но мне не дает покоя Стрельцов. Неужели он расценил мой выбор как измену?

Но Володька первым подходит ко мне. Переминается с ноги на ногу. Застенчивый медведь.

— Я все понял, Михалев. Все правильно.

Протягивает мне свою каменно-тяжелую ладонь.

— Давай поезжай. Я договорился с Адамом Лауринайтисом, он поедет следом за вами. Имей в виду.

— Зачем?

— Видишь ли, Пономарь только что выехал в сторону Аксая. Подозрительно это.

— А что он мне сделает?

— Я его племянничка встретил, Олежку. Спрашиваю: «Что дядя взял с собой?» Говорит: «Ничего, только деревянный ящичек прихватил». А я этот ящичек видел — Пономарь его привез с шахты. Он взрывником был... В таких ящичках динамитные патроны носят. Понял?

— Ну, ерунда, Стрелец. Что он, мину подложит, что ли? Это только в кинофильмах...

Но Стрельцов серьезен.

— Я не знаю, что он там задумал.

КРАЗ УХОДИТ В ГОРЫ

Прицеп нашего тягача — трейлер — похож на железнодорожную платформу. Под ним вертятся два десятка колес. Турбина давит на корму КРАЗа всеми сорока тоннами, и нос дизеля подпрыгивает на выбоинах, словно катер на волне.

В Кадыре, на железнодорожной станции, когда турбину опускали на трейлер, рельс, подложенный для упора, лопнул, как щепка. Пришлось подложить три рельса. Инженер автотреста предупре-

дил: «Смотрите, стоимость груза тридцать две тысячи».

Встречные машины вежливо прижимаются к обочинам. Шоферы глядят нам вслед, затыкают уши, оглушенные ревом.

С высокого сиденья КРАЗа все встречные машины кажутся приземистыми, маленькими.

— Ну как, Петюк?

Петюк заметно ожил. Слетело с него сонливое похмелье. Прислушивается к двигателю, следит, как тяжелый тягач отзывается на повороты руля. Чувствую, как в нем трепещет туго натянутая шоферская струнка.

— Машина что надо.

Удивительно получается — еще недавно не он, а я сидел вот так же, справа, изучая повадки водителя... А курточка на «учителя» заметно поблекла. В пятнах. Видать, остались пометки с того вечера, когда разбирали его машину.

И транзистора с ним нет.

КРАЗ подминает под себя километры, сотрясает асфальт. Я ощущаю особое, понятное водителям чувство радостной приподнятости: оно приходит, когда ты словно сливаешься с машиной, становишься ее частицей. Такой же необходимой и подчиненной ей как сервомеханизм или диффер.

Все беды забываются в такие минуты. Все достижимо, все возможно.

Впереди над белыми цепями Саян в облачном небе прорезается голубая полынья. Края ее полыхают огнем. Полынья растет. Облака малопомалу расползаются в клочья, в дымки, в нити; нити становятся все тоньше, закручиваются.

Там, наверху, сильный ветер, он вьет из нитей пряжу.

Снег наливается голубизной. Выходит солнце.

— Ничего будет денек, Петюк.

— Ничего. Только ветер. В горах будет трудно.

Начинается подъем. Пока еще здесь нет крутых виражей. Главные перевалы впереди. Я передаю баранку Петюку: пусть обвыкает.

Приятно растянуться на просторном сиденье КРАЗа после напряженной работы. Каждая косточка стонет.

Лауринайтис пристроился к нам в хвост. Петюк пытается освободить тракт и пропустить «газик», но тот, в свою очередь, притормаживает и плетется сзади, как на буксире. Петюк понимающе усмехается.

Лезем в гору. Стрелка тахометра начинает падать.

— Оборотов больше! — кричу я.

Петюк кивает. Дизель не любит малых оборотов — глохнет.

Острым углом трейлер пашет снежную стенку. Здесь узко, и мы прижимаемся вплотную к сугробу, чтобы оставить коридорчик для разъезда со встречными.

Небо уже скрыто горами, в стекле только снежная синева склонов.

КРАЗ волочит к перевалу пятьдесят тонн металла — трейлер и турбину, — напрягаясь всеми стальными мышцами.

Смеркается. Ветер, бушевавший высоко в небе, спустился в горы, гонит по шоссе снежную пыль, розовую в закатном свете. Я сменяю Петюка. Огля-

дываю панель. Стрелки приборов ведут себя, как прилежные ученики. Полный порядок.

Закуриваем. Краснеют в сумраке кабины огоньки папирос.

— У метеостанции я остановлюсь, Петюк.

Он резко оборачивается ко мне. Глаза вспыхивают злобно и жалобно.

— Намек?

Намекать я не хотел, просто так получилось. Помягче надо, уж больно нервы у него расходились.

— Скажи, зачем ты взял меня с собой? Значит, доверяешь? — спрашивает Петюк.

— Выходит, доверяю.

В нем бьется, ищет дорогу какая-то беспокойная мысль.

Светлая дорожка бежит впереди машины. Два ослепительных глаза глядят на меня через зеркальце. Лауринайтис держится рядом. И ему из-за нас не спать.

Петюк, подстелив ватник и свернувшись клубком, укладывается на горячее жестяное днище кабины.

— На метеостанции не буди!

Снова ползем вверх. Днище раскаляется от огненного усилия мотора. Петюк беспокойно ворочается, отбиваясь от какого-то врага, сучит ногами, мешая мне управлять, бормочет — а что, не слышно из-за грохота.

К метеостанции подъезжаем в полной темноте. В низинке, защищенной от ветров, где приютился домик, маленькое желтое пятнышко. Окно. Свет

его, как огонь дальнего маяка, то проглядывает между деревьев, то исчезает.

Таня не спит.

Читает, наверно, поставив керосиновую лампу у изголовья. Сейчас рев нашего дизеля падает вниз, как поток, заполняет долину, плещется у стен одинокого дома.

Таня поднимает голову, прислушивается.

Я часто думаю о ней. И в этих мыслях неизменно присутствует третий — Жорка, парень, которого она любит.

Нас трое сейчас. Но жизнь идет дальше. Может быть, настанет день, когда мы поймем, что нас остается только двое. И еще — Васька, который должен вырасти хорошим человеком.

Я не осмеливаюсь останавливать тяжелый КРАЗ на мосту и торможу на тракте, у самой метеостанции. Освещаю боковым прожектором дом, и через минуту раздается скрип двери.

Лауринайтис, погасив огни, останавливается неподалеку.

Таня, накинув шаль, выходит на белое, искрящееся под лучом снежное пространство.

— Вася, ты? Поздний гость... Что это за танк?

— Новая машина. Вот подарки — тебе и Ваське. Это от Стрельца... От Матвенча... а это от меня.

Она еле удерживает ворох кульков. Ветер хлопает дверцей кабины. Саяны нависают над нами... Таковы встречи в горах: три минуты на ночном тракте.

— Сегодня ко мне заезжал Пономарь.

— Что ему было нужно?

— Он сказал, что знает о моей поездке в Наволочное, знает, что я помогала тебе. И предупредил, чтобы я в случае чего молчала.

— В случае чего?

— Я не поняла. Но вид у него был угрожающий. Сказал: «Будешь болтать — берегись! Твой щенок часто шатается без присмотра возле тракта. Мало ли что может случиться. Тут горы на сто верст кругом...»

Она делает попытку улыбнуться, чтобы я не подумал, будто она дала себя запугать. Сволочь Пономарь. Наглая, трусливая, распоясавшаяся сволочь! «Закон — тайга...»

— Мы больше не дадим ему выехать из Козинска, Таня. Можешь не опасаться его.

— Да я ничего... Он уехал в сторону Аксая, туда же, куда и ты. У меня какое-то тяжелое предчувствие, Вася.

Она так и остается стоять у тракта — с кипой кульков. Дизель трогается. Колеса буксуют, не в силах сразу стронуть с места трейлер. Потом желтый огонек медленно начинает уходить назад.

Петюк лежит на днище безжизненной темной массой. Слишком крепкий сон для шофера.

— Не делай вид, будто спал, Петюк. Ты слышал разговор?

Он нехотя поднимается. Закуривает. Молчит.

— Хорош твой Пономарь!

— Я с ним сам поговорю. Таню он не тронет.

— Разговорами его не убедишь.

КРАЗ на куски раздирает ночную тишину. Мы лезем вверх, к самым высоким перевалам.

БЕЛОЕ ОБЛАКО

Внизу, слева, угадывается ущелье. Оно еще наполнено ночной тьмой. Постепенно на снегу проявляются черные силуэты деревьев, кустарников, река.

Горы возникают в утренней синеве — цепь за цепью, как декорации.

На перевал Терновый дизель взбирается с медлительностью черепахи. Склон слишком крут.

С неимоверным усилием КРАЗ несет в гору возложенную на его плечи тяжесть. Потом движение замедляется. Здесь лед на асфальте.

Колеса, громокая цепями, бешено вертятся на скользкой корочке, покрывшей тракт.

— Петюк, давай песочку!

Напарник выскакивает из кабины. Живее, живее, Петюк! Давление падает, показатель масла вот-вот даст «нуль», и двигатель остановится. Тогда никакие цепи не спасут.

Пятьдесят тонн металла вцепились мертвой хваткой в хвост тягача, тянут к обрыву. «Вву-вву-вву!» — ревет двигатель. Медленно сползает буксующий КРАЗ.

— Ну, где ты там, Петюк? Песку больше, песку!

Только бы не заглох: пойдет юзом — не удержишь...

Песок не помогает.

— Цемент, цемент, Петюк! Ну, догадайся.

Бумажный мешок с цементом, лежащий на борту трейлера, — это наш НЗ, наше спасение. Он надежно скрепляет колеса и дорогу.

— Цемент, Петюк! На тебя вся надежда...

Колеса получают опору. Увеличиваю обороты. КРАЗ перестает сползать и медленно лезет в гору. Двигатель уже не воет. Рычит. Это ласковое, рабочее рычание. Скрюченные кедровые проплавы за обочинами.

Пот заливает, щиплет глаза. Сменяя друг друга, мы работаем как заведенные.

С Чертова хребтика спускаемся с ветерком, так, что ярко-желтые под солнцем лиственницы мелькают в глазах. Искрятся снежные вершины трехтысячников.

От непрерывного торможения, от перегрузок сгорает камера. Она шипит, раскалившись и тлея под ободом покрышки, и от нее поднимается белый пар.

Лебедкой мы извлекаем из обоймы стокилограммовое запасное колесо. Лица наши темны от налета грязи и перегара, а белки глаз сверкают, как у негров.

— Ты бы лучше Стрельца с собой взял, — бормочет Петюк. — Здесь медведь нужен, не человек.

К вечеру достигаем Веселой горы. Здесь самый высокий хребет, за ним начнется спуск к Аксаю. Справа от КРАЗа тянется, круто уходя в небо, необозримое белое поле.

На каменных зубцах сугробы, словно папахи. Ветер снова разгулялся, снежные ломти падают со скал, над дорогой крутятся маленькие смерчи.

Свеженамаляванный красный щит стоит у тракта. «Водитель, осторожно! Не газуй! Возможны снежные обвалы».

— Написали бы: ходи на цыпочках, — сердится Петюк. — А как нам не газовать с такой машиной?

К счастью, тракт бежит здесь под уклон.

— Сбавь обороты, Петюк, не шуми. Если заглохнет, попробуем проскочить на тормозах...

Тысячи тонн снега лежат на покатых склонах рыхлой угрожающей массой. Мы входим в опасную зону.

— Смотри, Петюк!

Наверху, на необозримом белом поле, вздыбившемся над трактом, движущееся темное пятнышко. Человек...

Храбрец или дурак? Что занесло его на эдакую верхотуру, где неосторожный шаг, падение камня может вызвать движение снежных масс?

Человек быстро передвигается по уступу. Он бежит, оглядывается, как будто спасаясь от кого-то. Охотник, должно быть.

Человек ловко взбирается на гигантский каменный зуб. словно красноярский «калошник», борющийся за первенство.

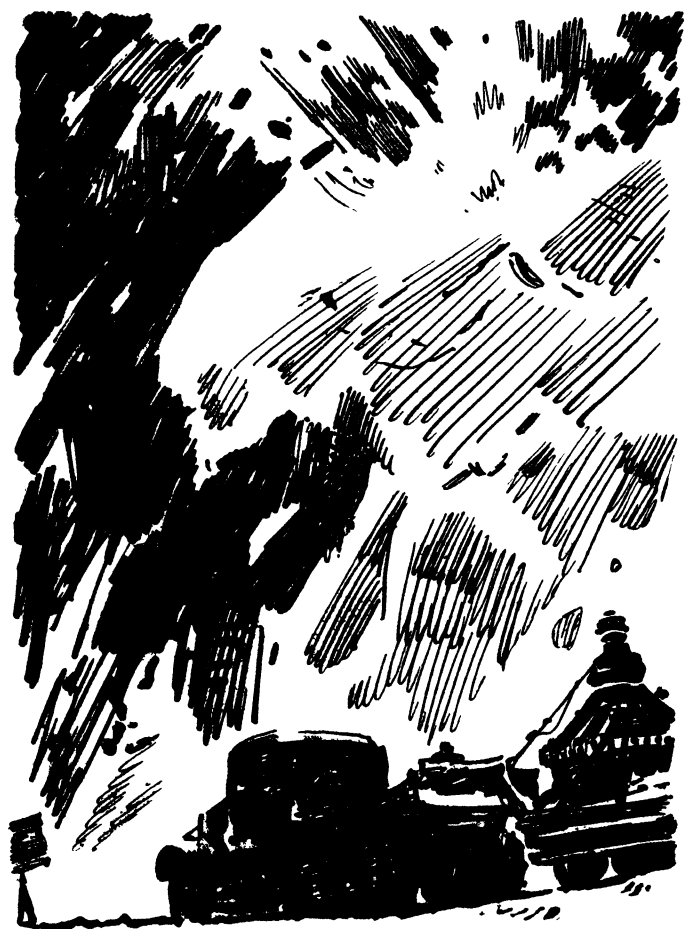
От кого же он бежит? Склон пуст.

И тут догадка бьет в меня электрическим разрядом.

— Стоп, Петюк. Быстро. Дай руль.

Я мгновенно пересаживаюсь. Даю задний ход. Газую. Дергаю трейлер. Колеса пробуксовывают, а затем толкают платформу назад.

Стрельцов предупреждал: «Помни, Пономарь взял с собой деревянный ящичек с динамитными патронами». Тогда я рассмеялся в ответ. Но я не учел изобретательности Костюкова... Обвал

ни у кого не вызовет подозрений... Задумано не плохо.

— Там Пономарь!

Назад. Мы еще можем выскочить из зоны лавин. КРАЗ пятится с оглушительным ревом.

Сквозь этот рев двигателя доносится барабанный удар динамита. На склоне, там, где еще совсем недавно был Пономарь, появляется пышный снежный куст.

Он превращается в белое облако. Облако растет и приближается к нам. Двинулась гора.

Еще немного, и мы окажемся под защитой скалы.

Весь склон затягивается пеленой. Чувствую, как содрогается асфальт под колесами. Горы гудят.

Ветровое стекло, в котором только что лежала дорога, вдруг становится матово-белым. По кабине ударяет глухо и сильно, и тотчас становится темно. Кабина наклоняется. Кажется, мы летим куда-то в кромешной и внезапной тьме.

— А, черт! — кричит Петюк. — Глуши дизель.

...Мы стоим. Не падаем. Кто-то словно толкает машину, жест скрипит, подается, на руку падает холодная струйка снега.

ПОД ЛАВИНОЙ

Тьма полная. Едко пахнет перегаром. Хорошо, что вовремя успел заглушить.

Слышно, как тикают часы на руке у Петюка и шуршит, падая в кабину, снег.

— Вот так, — говорит Петюк.

Воздух становится теплым и влажным. Это пар от снега, стаявшего на горячем моторе, проникает к нам.

— Вот так, — повторяет Петюк. — «Сделал» нас Пономарь.

В голосе его какое-то горькое удовлетворение. Словно, наконец, дождался того, чего втайне желал.

Я чувствую, как тело начинает противно и мелко дрожать. В тот момент, когда пошла лавина, я не успел испугаться.

Пытаюсь взять себя в руки и трезво оценить случившееся. Нас накрыло лавиной. Только самым краем лавины. Выступ скалы защитил тягач. Если бы мы попали под основной удар, от машины ничего не осталось бы. Толща снега над нами не очень велика. Но прорыться сквозь него мы не сможем — присыплет. Запасу воздуха хватит часа на два-три.

Неужели конец? Конец всего? Нелепо. Глупо.

Нашупываю включатель. Вспыхивает плафончик: аккумулятор в порядке. Свет падает сверху, глаза у Петюка кажутся двумя темными провалами на белом лице. Под кабиной шипит раскаленный коллектор, и воздух становится все тяжелее.

Я думаю о Тане. Какой болью отзовется в ее душе еще одна бессмысленная, тупая гибель?

Пономарь и Костюков оказались хитрее и коварнее, чем мы думали. Снег скроет следы преступления. Обвал? Здесь бывают обвалы.

— Ты трус, Петюк. Если б ты рассказал, Пономарь не смог бы выехать...

Кабина кряхтит под напором снега. Хорошо еще, что у КРАЗа она сколочена как следует, на совесть.

— Так мне и надо, — тихо говорит Петюк.

— Ты, тебе... А другие? Там осталась Таня.

Самое трудное — оторвать себя от людей. Я еще с ними, еще связан со всем живущим теплотой, трепещущей связью. Как только порву эту нить — станет легче.

— Может, и трус, — медленно, враскачку, говорит Петюк. — А насчет Жорки я хотел тебе написать. Уехать, а потом написать. Чтоб люди не тыкали в меня пальцем. Виновен я без вины в его смерти. Но к чему теперь?

— Говори.

Я еще жив. И пока живу, я хочу знать правду.

— Говори, ну!

— Дело-то вот как было... Пономарь с Березовским отправились в «сорок шестую». Пономарь будто к геологам, а на самом деле ворованные покрышки повез припрятать до поры. Жорка его и засек. Дело подсудное, мы перепугались...

— Кто «мы»?

Двигатель перестал потрескивать: остыл. А воздух тяжелеет.

— Костюков с Пономаренко давно был знаком, сидели где-то вместе. Костюков — за растрату, Пономарь — за уголовщину. Вынырнул Костюков. Выбрал местечко для работы подальше от надзора. Пономаря к себе выписал. Жох он, Костю-

ков-то. Хотел нажить капитал и податься отсюда на тихую должность. Пономарь сколотил ему бражку шоферов — человека четыре. Они и хозяйничали. Костюков им машины новые давал, грузы получше. Да и приписывал. В диспетчерской тоже человек был поставлен. Он — им, а они — ему. В месяц, почитай, «свой» водитель полсотни ему отваливал и в накладе не оставался. Новичка, если вроде ничего, тоже заманивали, новую машину давали. С тобой вот ошибку дали. Костюков подумал, что ты тоже из «прогоревших». Он таких любил: народ молчаливый.

— Хитер инженер.

Еще жив какой-то крохотный осколок надежды. Может, я еще вырвусь туда, к людям!

— Дальше — больше. Покрышками стали торговать, запчастями. Своим же продавали резину, обманывали. Здесь, за горами, как за стеной.

— Ну, а ты зачем! Ты ж и без того — классный водитель!..

— Я? На новой машине сначала купился. Думаю, дам деньги, черт с ними, зато ездить буду, как бог. Хотелось наверху быть. Не из-за прибыли, ты поверь. Славы хотелось. Мол, первый водитель на тракте: деньги, выпивка, гулянки — все тут. Ну, а раз одной ногой ступил, другая сама тянет. Завлекся, как рыба в кошель.

Кабина снова крикает. Гнется жесть. Сыплется откуда-то из щели снег.

— Не тяни, Петюк.

— Жорка поругался с Пономарем. Он уже многое знал, Жорка... Пономарь — Костюкову. Тот перепугался. Посылает нас вместе с Поно-

марем вдогонку, в Аксай. Мол, поговорите с ним, поугайте. Если он не будет молчать — всем срок дадут.

— Это как же — поугайть?

— Плохого чего-либо я не хотел делать. Честно. Такого я не умею... Пономарь хотел наперед Жорки заскочить. В Наволочном мы бы обошли его, но корреспондент задержал. Поехали следом за Жоркой. Там обогнать негде.

А дорога очень скользкая была. Апрель, вода днем бежит на дорогу, к вечеру мерзнет. Гололед. Смотрю — Жорка здорово забуксовал. И его сносит на откос, вот-вот загремит. Он высунулся на подножку. Видит: я с мешком цемента выскочил. Он успокоился, кричит: «Сыпы!» И в кабину нырнул, газу поддал. Машина сползает, юлит. Я мешок разорвал — и к колесам. Тут Пономарь подбежал: «Стой! Что ты делаешь? Ведь он сейчас все страхи унесет. На веки вечные. Никто нам слова не скажет!» Пока он говорил, колеса уже рядом с обрывом. Жорка ничего не подозревает, надеется на меня. Цемент, он мертво сдержит. Бросился я с мешком, а Пономарь — по руке. Мешок откатился. Кричу: «Прыгай!» А машина уже под обрыв. Не успел выпрыгнуть, не ожидал.

— Подлюги! — Я хватаю Петюка за курточку и начинаю трясти. — Ох, подлюги!

Голова у него перекачивается с плеча на плечо, как неживая. Что с него возьмешь сейчас?

— Пусти... Чего теперь-то? Вижу — разбился Березовский вчистую. От машины лохмотья. А Пономарь улыбается. Двинул я его. Избил. Он

не сопротивлялся. Умылся снегом, говорит: «Езжаем скорей, пока нас не увидели. Ты, Петюк, хоть серчай, хоть нет, а со мной одной веревочкой связан. Ты меня можешь продать, но и я тебя поташу».

Петюк закрывает лицо ладонями, сидит так с минуту. Золотые часы на его руке стучат оглушительно.

— Чего было делать? Думаю, забыть надо про все. Жить, как жил. Как будто ничего и не было. Следователи приезжали, смотрели все машины, изучали: может, столкнул кто? Конечно, следов не нашли. Пономарь потом уже съездил к Полунчику, они лист из диспетчерского журнала вырвали. Мало ли что!

Кабина подается в сторону, издав звук, похожий на кашель. Плафончик над головой мигает.

— Стал я к Таньке ездить. Вроде помочь надо. Она мне давно нравилась. А тут узел еще сильнее стянуло: не могу без нее. Но только она чуяла что-то. Не верила, опасалась. Сердце, оно, знаешь...

Сверху сочится белая струйка, падает мне на колено и тает. Еще тает... Долго ли выдержит кабина?

— А тут ты приехал. Полунчик сразу насторожился, когда ты диспетчерский журнал просматривал. Донес Пономарю. Тот пошел к тетке, устроил обыск, нашел у тебя письма. Говорит: «За нами этот парень прибыл». Костюков запаниковал. Пономарь с друзьями решил избить тебя тогда, ночью, «втемную». Надеялся, что ты испугаешься, уедешь. А ты со Стрельцом столкнулся, с другими хлопцами. Тут уж Костюков стал хитрить: как бы это от тебя избавиться? На Песью речку послал... Но ничего у него не вышло. Он небось понял, что дело для него плохо кончится.

А я понял — не забудется то, что было. Ничего даром не проходит, за все платится. Хожу под страхом. Вот-вот узнают правду. Кем я тогда буду? Грязью дорожной... В заезжей, когда меня «раску-

лачили», решил: уеду. От ребят я откололся, к Пономарю и Костюкову не пришел! Уеду! А теперь они и меня... вместе с тобой.

— Они думали, что вместо тебя будет Стрельцов...

Окна кабины забиты черным, плотно сбитым снегом. Снежный склеп. Братская могила. Он, Петюк, «брат»?

Его, Петюка, похоронят с честью и музыкой. Костюков скажет речь. Пономарь будет стоять со скорбной рожей. И правда будет похоронена под снегом.

Никто не узнает, каким парнем был Жорка, как он вступил в борьбу с этой сволочью и как подло его обманули. Хапуги останутся на поверхности. Может быть, еще долго они будут рядиться под порядочных людей и сеять вокруг отравленные семена. Кулаки, мироеды, предатели...

— Трус ты, Петюк, подлый трус...

Надо собрать документы, бумаги, положить в безопасное место. Я шарю в карманах. Комсомольский билет, путевой лист, письма Жорки в мятых конвертах... Неожиданная острая мысль обжигает меня. Ну, как это я сразу не догадался! Распустил нюни, размяк, обомлел.

Я подаю Петюку чистой стороной путевой лист. Достая из-за щитка карандаш.

— Пиши!

— Завещание, что ль? Родственнички и так разберутся.

— Пиши! Все, что рассказал сейчас. Фамилии все укажи, факты. Только кратко — бумага вся. И поставь: от Петюка заявление.

Он поворачивает ко мне лицо, кажущееся плоским в этом странном свете. На шее у него бьется, бешено пульсирует жилка.

— Зачем? Пусть хоть люди хорошо думать будут...

Лампочка снова мигает.

— Ты все еще о славе заботишься? Пиши, ну! Он берет бумагу, лист дрожит в его руке.

— Дай чего подложить.

Подложить нечего. Я поворачиваюсь к нему спиной, он пишет, прижав бумагу к ватнику.

— Главное — фамилии, факты. И поразборчивее.

Он пишет, и я слышу его тяжелое дыхание. Голова уже начинает наливаться тяжестью, мутнеет...

Не знаю, сколько проходит времени — он все пишет, потом отдает мне бумагу, я кладу ее в комсомольский билет, заворачиваю билет шарфом, прячу под рубашку. Люди найдут.

ПОГОНЯ

Просыпаюсь я оттого, что кто-то тормозит меня, бьет по щекам. Вижу каких-то копошащихся, бегающих людей, машины, снегоочиститель, над которым стоит фонтан снежной пыли...

— Отойдите, пусть дышит ветром.

Лицо Лауринайтиса совсем близко. Такое длинное, озабоченное. Высоко в небе ползут вечерние облака.

С трудом поворачиваю голову: рядом на под-

стилке из ватников сидит Петюк. Он ошеломленно таращит глаза. Жив.

— Ну вот, успел все-таки, — говорит Лауринайтис. — Давай я отвезу тебя в медпункт.

Он помогает мне подняться и усаживает в кабину своего «газика». Постепенно в мышцы возвращается сила и голова яснее.

— А Петюк?

— Его отвезут на другой машине, не беспокойся.

Лауринайтис гонит «газик» во всю прыть.

Белый склон, косо уходящий к облакам, поворачивается в стекле. Темный зуб скалы торчит из снега. Где я все это видел? Вспомнил!

— Стой, Адам! А Пономарь?

— Какой Пономарь?

— Ты не слышал взрыва?

Он смотрит на меня с понимающей улыбкой: «Ничего, это пройдет... Бывает с перепугу».

— Я видел, как пошла лавина, и сразу же бросился за помощью. Тебе почудилось.

— Остановись, Адам.

Лауринайтис тормозит.

— Там, наверху, был Пономарь. Он взорвал патроны. Я видел!

Конечно, теперь Пономарь постарается улизнуть подальше от места обвала, пока его никто не заметил. Схоронится до поры до времени. А может, и вовсе уйдет в тайгу. Нельзя допустить этого.

— Назад! Он где-то здесь, поблизости...

Постепенно до Адама доходит смысл моих слов. Он разворачивает «газик». И тут я вижу ясно в боковом стекле — на тракте, который был за

секунду до этого пустым, появляется зеленый ЗИЛ. Он выскочил с неприметного таежного проселочка, покинул укрытие и теперь, набирая скорость, катится в сторону Козинска.

— Вот он, Адам! Давай за ним...

Точный расчет у Пономаря: пока люди были заняты снежными раскопками, он незаметно спустился с горы, к запрятанной в ельнике машине. Через час он будет в Наволочном, у Полунчика. Он еще не знает, что КРАЗ удалось откопать, не знает, что у меня во внутреннем кармане лежит письмо Петюка. Письмо, которое должно было стать посмертным.

Мы мчимся за ЗИЛом, и легкий, верткий «газик» начинает настигать Пономаря. Надо одним рывком пойти на обгон и преградить ему путь. А дальше... Дальше следы на снегу расскажут о том, что делал Пономарь во время обвала. Но главное — ящик от патронов он наверняка не успел запрятать.

Все ближе металлический борт полуприцепа с четко выписанным номером. Но вот наша скорость как будто замедлилась. Пономарь заметил погоню. Он пытается уйти.

«Газик» — быстроходная машина, но у Лауринйтиса кузов забит тяжелыми ящиками, а Пономарь выехал налегке.

ЗИЛ режет повороты, взметая снежную пыль. Все меньше становятся цифры на борту прицепа.

Еще немного — Пономарь оторвется от нас. Свернет на неприметный проселок, ведущий к дальней заимке. Тайга скроет его.

Адам словно припаян к рулю. Шепчет, не отрывая глаз от дороги:

— Ты можешь сесть на мое место? Из меня неважный гонщик...

Но я не могу прийти на помощь. Предательская слабость еще не оставила меня.

ЗИЛ скрывается за выступом скалы. Мы начинаем извилистый спуск. Сверху видно, как черная лента дороги серпантином падает в низину.

Проходим первый виток, второй... Приблизиться к Пономарю не удастся.

Внизу, на кольце серпантина, я вижу оставленный трактористом бульдозер. Отсюда он не больше спичечной коробки. Солнце поблескивает на отполированном отвале.

— Тормози, Адам.

Выпрыгиваю на землю. Ноги как ватные, я тут же валюсь от прыжка на землю. Успеваю крикнуть Лауринайтису:

— Гони дальше, я перехвачу.

Склон крутой, я еду вниз в снежной пыли, цепляясь за деревья, чтобы приостановить падение, и беспомощно скольжу, как тряпичная кукла на льду.

Пока Пономарь делает километровую петлю, я должен оказаться у трактора.

Дорожный кювет останавливает меня. Бульдозер совсем рядом. Но двигатель его молчит, тракториста поблизости нет.

Сверху доносится рев двух грузовиков, идущих друг за другом. Они все ближе.

С трудом приподнявшись, я обхватываю траки

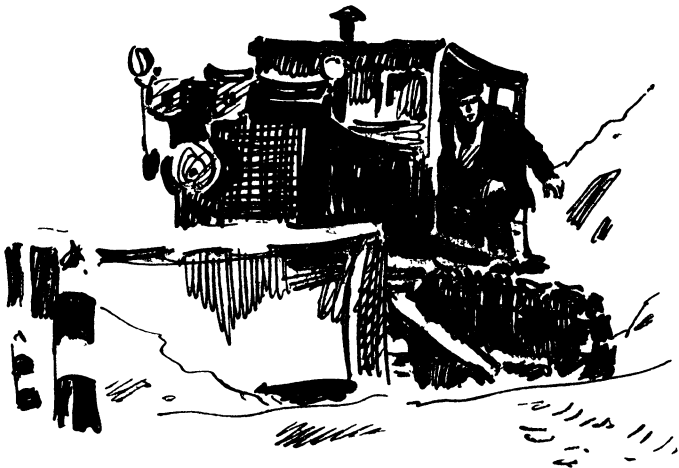
гусениц. «Ну, еще одно усилие, — подгоняю я себя. — Еще одно усилие, и все будет закончено».

Маховик пускового движка совсем близко. Стоит только протянуть руку. От бульдозера еще исходит тепло. Он не успел остыть.

Захватив шнур намертво, как хватают спасательный круг, я проворачиваю пускач. Он рассыпается звонкой и веселой дробью, тарыхтит. Трактор отзывается на этот треск надсадным кашлем. Вздрагивает. Окутывается облаком сизого дыма.

Теперь остается забраться к рычагам. Это требует от меня напряжения всех сил. Я втягиваю непослушное тело в кабину и отжимаю сцепление.

Правая гусеница, вцепившись в асфальт, разворачивает бульдозер поперек тракта. И тут же отчаянно взвизгивают тормоза. ЗИЛ остано-

ливается у трактора, прочертив темные борозды на дороге.

— Эй, убери бульдозер!

Пономарь выскакивает на ступеньку тягача. Лицо его искажено гримасой злобы.

Кажется, он узнал меня. Хватает с сиденья двустволку. Он не привык тратить время на раздумья, этот Пономарь. Даже если я явился с того света, все равно он должен расчистить дорогу.

— Убери, ну!

В оцепенении я гляжу на два черных ствола — поднимаясь, они становятся все короче. «Интересно, что у него: жаканы или картечь?» Рука машинально прикрывает карман, где спрятано письмо Петюка.

«Газик» Лауринайтиса возникает на тракте почти бесшумно. Тормозя, Адам слегка бьет буфером в заднее колесо ЗИЛа. Пономаря словно ветром сдувает с подножки.

Длиннорукий, цепкий Лауринайтис не дает ему подняться с асфальта. Ружье, отлетевшее во время толчка, лежит у гусеницы. У меня еще хватает сил, чтобы спуститься вниз и подобрать двустволку...

ОГНИ В ГОРАХ

Человек в форменном кителе подписывает последнюю бумагу. Он сух и деловит. Седые виски.

— Мы вызовем вас в Кадыр, когда состоится суд... И спасибо вам, ребята, за все. Без вас мы бы не раскрыли эту шайку.

— Как там Петюк? — спрашивает Стрельцов.

— Сегодня у нас была очная ставка: он, Костюков и Пономаренко. Петюк во многом помог следствию. Я думаю, на суде это будет учтено. Не исключено, что ему дадут возможность вернуться за руль...

Но на тракт он больше не вернется, Петюк, я знаю. Шоферы могут многое забыть. Но трусости и предательства они не прощают. Петюк не имеет права ездить по тракту, который хранит память о Жорке Березовском.

Мы со Стрельцовым выходим из прокуратуры. Рядом на освещенной улице стоит КРАЗ. Кабина еще хранит следы выправленных вмятин. На трейлере застыл экскаватор с опущенным ковшом.

— Поехали...

Километры бегут под колеса и превращаются в цифры на спидометре. Трудные, суровые саянские километры.

Так час за часом.

— Володька, постоим на хребтике?

Стрельцов согласно кивает. Это вошло у нас в привычку — останавливаться на самой вершине Чертового хребтика. Отсюда хорошо видны Саяны. Даже сейчас, ночью, различимы белые громады.

Я затягиваю рычаг ручного тормоза. КРАЗ застывает на месте.

Звездное полотно как будто рваными лоскутьями падает на горные цепи. Здорово это — стоять на самой верхотуре и смотреть на лежащую под ногами землю. И дышится и думается здесь легко.

Внизу, во тьме, ползут светляки. Парами. Вот два. Еще два и еще... А вдали, еле различимые, они движутся цепочкой, друг за другом.

Темнота, пустота — и в ней живое движение машин. Кажется, они идут к звездам, словно космические корабли. Там, за стеклом кабин, усталые лица шоферов. Они и не подозревают, что так близки к созвездьям.

А я это вижу.

Я приехал сюда, в Козинск, на время, но Каширский, новый директор автобазы, говорит, что вот-вот должны прийти еще несколько КРАЗов и надо будет помочь водителям осваивать тракт. Грузов становится все больше и больше, и каждый шофер нынче на счету, особенно дизелист. Даже отсюда, с перевала, видно, как над Аксаем вспыхивает электрическое холодное зарево.

Слишком тесно я связал себя за эти дни с горами и людьми, которые здесь живут.

Васька теперь уже знает, что я езжу на КРАЗе и, услышав на тракте дизельный гул, выбегает к самому мосту, и Таня тоже спешит следом, накинув красный, издали заметный платок. И каждый раз, когда я вижу движущийся на белом ослепительном склоне этот платок, у меня учащенно бьется сердце...

Скоро весна. Скоро двинется большая вода с гор, зазеленеет трава на южных склонах. Водители привяжут к зеркальцам машин букеты подснежников. Эти машины, как вестники весны, будут лететь к Аксаю, туда, где еще хозяйничает зима.

А тракт у нас теперь чистый. И будет чистым всегда...

Стрелец дает нетерпеливый сигнал. Гудок улетает в горы, и вскоре возвращается эхом, и долго еще блуждает по склонам.

— Давай, — говорит Стрельцов. — Время не ждет.

Он садится за руль, и двигатель, словно соскучившись по работе за эти несколько минут, издает радостный рев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Письмо из милиции	3
Первые встречи в Козинске	7
Букет подснежников	15
Один на один с трактором	23
Таня	32
Строчки из блокнота	38
Машина под обрывом	45
Чужак в доме	50
Ночное нападение	54
Нашего полку прибыло	60
Незванный гость	65
Западня	74
Пожар в тайге	79
«Петюковский обгон»	86
Неожиданная находка	94
Ультиматум Пономаря	100
Негатив корреспондента Сухоногова	104
Ледяная купель	110
«Выстрел дуплетом»	117
Петюк собирается в отъезд	121
Срочный рейс	126
КРАЗ уходит в горы	130
Белое облако	136
Под лавиной	140
Погоня	148
Огни в горах	154

Смирнов Виктор Васильевич
ПОЕДИНОК В ГОРАХ. Повесть.
М., «Молодая гвардия», 1965.
160 стр., с илл. Библиотечка «Честь,
отвага, мужество».

P2

Редактор *А. Строев*
Оформление художника *И. Пчелко*
Худож. редактор *Г. Позин*
Техн. редактор *В. Савельева*

A13325. Подп. к печ. 23/XI 1965 г.
Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 5(7).
Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 115 000 экз.
Заказ 1796. Цена 18 коп.

Типография «Красное знамя» изд.-ва
«Молодая гвардия». Москва, А-30,
Сущевская, 21.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ты, наверное, уже прочел некоторые из книжек библиотечки «Честь, отвага, мужество». Понравились ли они тебе? Кто из героев этих книг больше запомнился? Какие еще книжки в этой серии ты хотел бы прочитать, о чьих подвигах, героических поступках узнать?

Обо всем этом напиши в издательство «Молодая гвардия», указав заодно свой возраст, где учишься или работаешь.

Этим ты поможешь редакции серии подготовить и выбрать для издания те книги, которые больше всего интересуют наших читателей и тебя в том числе.

Свой отзыв посылай по адресу:
Москва, А-30, Сушеvская ул., 21.
Издательство «Молодая гвардия»,
серия «Честь, отвага, мужество».

**БИБЛИОТЕКА
„ЧЕСТЬ, ОТВАГА, МУЖЕСТВО“**

**ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

Е. Рябчиков

Засада на черной тропе.

А. Лукин

Операция «ДАР».

Л. Самойлов, В. Гирич

Выстрел в переулке.

Ю. Тарский

Испытание огнем.

Г. Боровик

Пылающий остров.

И. Мызгин

Со взведенным курком.

В. Смирнов, Ю. Попков

Трое суток рядом со смертью.

В. Микоша

С киноаппаратом в бою.

С. Голяков, В. Понизовский

Рихард Зорге

Д. Морозов

Бой без выстрелов.

Петер Вилл

Совершенно секретно.

А. Леонтьев

Последняя радиограмма.

С. Жемайтис

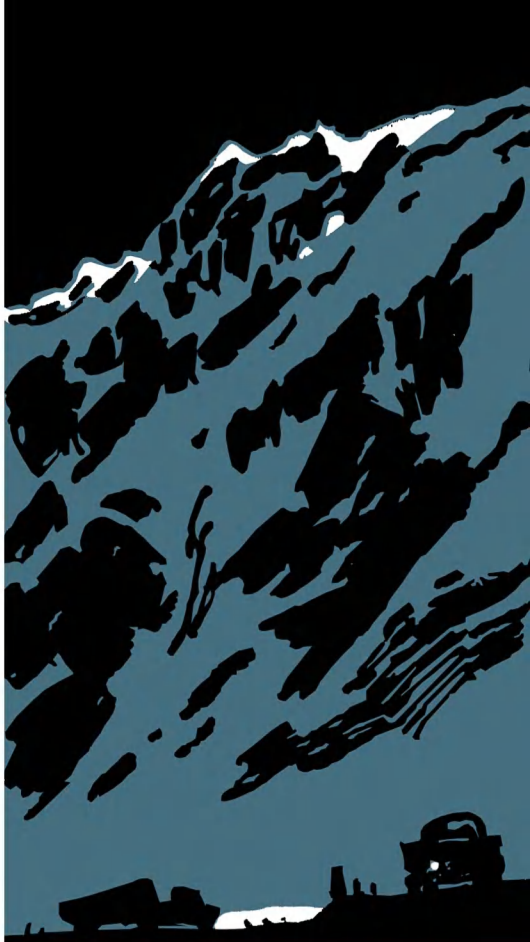
Взрыв в океане.

П. Александровский, А. Егоров

Партизан Фриц.

С. Мартынов

Первые залпы.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

18 коп.